

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

СТЕФФАНИ ЛОУРЕНС

Империя любви

Безупречная
жена

Семья Лестер

Стефани Лоуренс
Безупречная жена

«Центрполиграф»

1997

Лоуренс С.

Безупречная жена / С. Лоуренс — «Центрполиграф»,
1997 — (Семья Лестер)

Год назад Антония Мэннеринг осиротела. Ее брат Джеффри был еще слишком молод, чтобы обеспечить им достойную жизнь, поэтому Антонии пришлось задуматься о будущем. Участь старой девы ее не прельщала, и она поставила себе цель удачно выйти замуж. В доме матери девушка вела жизнь достаточно уединенную, и теперь в двадцать четыре года выбор ее был невелик. Совершенно прозаические надежды привели Антонию в дом лорда Рутвена. Филипп, друг ее детства, должен в скором времени жениться, и она постарается доказать, что способна стать хорошей женой: содержать в порядке дом и блистать в высшем свете. Филипп испытывает симпатию к Антонии, однако ему нужна не просто безупречная жена, но любимая и желанная женщина. В радостном предвкушении счастья он пытается разжечь страсть в сердце прагматичной Антонии, пуская в ход свой богатый любовный опыт.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Стефани Лоуренс

Безупречная жена

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Мой дорогой Хьюго, тридцать четыре года – это уже возраст благоразумия.

– Что? – Разбуженный Хьюго Сэттерли осторожно приоткрыл один глаз и внимательно посмотрел на долговязую фигуру, изящно расположившуюся на противоположном сиденье кареты. – О чем это ты?

Филипп Августус Марлоу, седьмой барон Рутвен, не удостоил его прямым ответом. Вместо этого, наслаждаясь видами проплывавшего летнего пейзажа из окна кареты, он заметил:

– Вот уж не чаял увидеть, как Джек и Гарри Лестеры соперничают из-за того, кто первый обеспечит семейство Лестер потомством.

Хьюго потянулся.

– Здесь трудно угадать, я так скажу. Джек предложил пари, но Люсинда узнала об этом. – Хьюго поморщился. – И покончила с ним. Сказала, что никому не позволит следить за ней и Софи и считать дни до родов. А жаль!

Губы Филиппа тронула мимолетная улыбка.

– На редкость чувствительная женщина наша Люсинда. – И через минуту тихо добавил, скорее обращаясь к себе, чем к другу: – И Джеку тоже очень повезло с Софи.

Они возвращались с приема из Лестер-Холла, где прогостили неделю; подготовкой торжества руководила Софи, миссис Джек Лестер, а помогала ей Люсинда, молодая жена Гарри Лестера. И обе женщины, недавнее пополнение к семейному дереву Лестеров, уже были в интересном положении. Обе просто светились от радости! Беззастенчивое счастье заполнило старый, неоднократно перестроенный дом и заражало собой всех и каждого.

Но неделя неизбежно подошла к концу; Филипп понимал, что, несмотря на мирную атмосферу в своем фамильном доме, он не найдет здесь ни сердечной теплоты, ни каких-либо перспектив на будущее. Тогда он решил пригласить к себе своего старого друга Хьюго, закоренелого холостяка и редкостного повесу. Теперь же Филиппу казалось, что Хьюго – чуть ли не единственный, кто сможет отвлечь его от угнетающих мыслей. Филипп постарался не обращать внимания на эти раздумья.

Он поменял положение, прислушиваясь к мерному стуку копыт и лениво разглядывая созревающие поля. И тут Хьюго безжалостно вытащил на свет его проблему.

– Что ж, думаю, ты следующий. – Хьюго устроился поудобнее на подушках и невозмутимо воззрился на пейзаж за окном. – Ты поэтому такой мрачный?

Прищурился, Филипп посмотрел на невинное лицо Хьюго.

– Отказаться от свободы из-за брачных уз и сознательно шагнуть в мышеловку, расставленную священником, – едва ли эти мысли можно назвать приятными.

– Я вообще о женитьбе пока не задумываюсь.

Выражение лица Филиппа стало кислым. Хьюго не зависел от средств своей разорившейся семьи, ему и в самом деле нет необходимости жениться. В случае с Филиппом все обстояло по-другому.

– Все-таки не понимаю, почему ты делаешь из мухи слона. – Хьюго вопросительно взглянул на друга. – Твоя мачеха будет только рада подыскать подходящих невест. Все, что от тебя потребуется, – это тщательно их изучить и сделать выбор.

– С присущей всем женщинам любовью устраивать матримониальные дела Генриетта конечно же поможет мне. Тем не менее, – сухо продолжил Филипп, – если она ошибется в выборе, расплачиваться за это буду я. Всю жизнь. Нет уж, благодарю покорно. Лучше я сам буду делать ошибки, способные разрушить мое будущее.

Хьюго пожал плечами:

– Если загвоздка только в этом, то список ты можешь составить и сам. Изучи всех дебютанток, проверь их происхождение, убедись, что они действительно могут поддержать разговор, а не только хихикать и жеманничать за завтраком. – Он наморщил нос. – Скучное занятие.

– Полная тоска. – Филипп снова перевел взгляд на пейзаж за окном.

– Жаль все-таки, что таких девушек, как Люсинда и Софи, нечасто встретишь.

– Еще бы, – отрывисто бросил Филипп; к его облегчению, Хьюго понял намек и замолчал.

Он удобнее устроился на сиденье и вскоре задремал.

Карета с грохотом мчалась по дороге.

Филипп нехотя позволил воображению нарисовать картину своего совместного будущего с одной из знакомых светских красавиц. Он содрогнулся от отвращения. Отогнал эти безрадостные мысли и решительно направил свои усилия на то, чтобы сформулировать список качеств, которыми должна обладать его будущая жена.

Верность, ум и красота в разумных пределах – это обязательно. Но было еще некое свойство, которое очень трудно определить словами, но Гарри и Джек сумели найти его в своих женах.

Филипп все еще пытался четко определить это важное нечто, когда карета проехала через высокие ворота и направилась дальше по дороге в Рутвен. Затерявшееся на холмах Суссекса поместье представляло собой элегантный дом эпохи Георгов, возведенный на месте более ранней постройки. Высоко стоявшее солнце нежно ласкало светлый камень; редкие золотистые лучики, прорвавшись сквозь деревья, озорно вспыхивали в стеклах высоких окон и подсвечивали плющ, обвивавший строгие линии здания.

Его фамильный дом... Эта мысль прочно сидела в голове у Филиппа, пока он выбирался из кареты. Под сапогами весело похрустывал гравий. Барон оглянулся и удостоверился, что Хьюго проснулся и тоже выходит из кареты. Тогда Филипп стал неторопливо подниматься по ступеням крыльца.

Тут парадные двери широко открылись; Фентон, служивший дворецким в особняке с тех пор, как Филипп себя помнил, стоял навтыжку и с улыбкой ожидал хозяина.

– Добро пожаловать домой, милорд. – Фентон ловко принял у хозяина шляпу и перчатки.

– Благодарю, Фентон. – Филипп указал на Хьюго, только что присоединившегося к ним. –

Мистер Сэттерли останется у нас на несколько дней.

Хьюго не имел своего родового поместья, так что был здесь частым гостем.

С поклоном Фентон принял у Хьюго шляпу.

– Я подготовлю вашу обычную комнату, сэра.

Хьюго улыбкой выразил согласие.

Бегло осмотрев холл, Филипп повернулся к Фентону:

– Как чувствует себя ее светлость?

В это время этажом выше, на верхней площадке великолепной парадной лестницы, в полной готовности к действию стояла Антония Мэннеринг. Прислушиваясь к разговору внизу, она подумала, что его голос был более низким и глубоким, чем ей запомнилось. Тем не менее его вопрос послужил ей сигналом к наступлению.

Сделав глубокий вдох, она зажмурилась в краткой горячей молитве. Затем открыла глаза и устремилась вниз по лестнице. Не слишком поспешно, чтобы не показаться плохо воспитанной, но достаточно быстро, чтобы как будто непреднамеренно появиться перед только что прибывшими молодыми людьми. Она миновала последний лестничный марш и теперь, смотря себе под ноги, стала степенно спускаться по ступенькам, одной рукой слегка касаясь перил.

– Фентон, ее светлость желает, чтобы к ней немедленно прислали Трент. – Только после этих слов она позволила себе взглянуть на мужчин. – Ах! – Ее отточенное восклицание прозвучало очень естественно и выражало идеальное сочетание удивления и взволнованности. Еще

бы, ведь Антония практиковалась часами! Она замедлила шаг и в нерешительности остановилась, не отводя взгляда от собравшихся в холле. От удивления у нее чуть расширились глаза, а губы приоткрылись. Как оказалось, ей не пришлось заставлять себя изображать изумление.

Картина перед ней оказалась не совсем такой, какую она себе представляла. Конечно, Филипп был здесь. Он отвернулся от Фентона и взглянул на нее; его изогнутые брови приподнялись, а глаза – серые, она точно помнила это! – не выражали ничего, кроме легкого удивления.

Она мельком взглянула на него: широкие брови, глаза прикрыты тяжелыми веками, прямой аристократичный нос, превосходно очерченные губы над твердым решительным подбородком. В его лице, казалось, не было ничего необычного, что могло бы заставить бурно биться ее сердце. Но ее пульс настолько участился, что она едва могла дышать. Все ее существо заполнила беспримерная паника.

Наконец Филипп отвел от нее взгляд; переведя дух, Антония воспользовалась шансом внимательно рассмотреть его широкоплечую фигуру. Изящным движением Филипп освободился от пальто, соскользнувшего точно в ловкие руки услужливого Фентона. Под верхней одеждой обнаружился обычный серый костюм, но Антония тут же отметила его безукоризненный крой и изысканный фасон. Каштановые волосы слегка вились; галстук представлял собой настоящее произведение искусства, с идеальными складками, скрепленными сверкающей золотой булавкой. Рельефные мускулы бедер подчеркивали обтягивающие бриджи из оленьей кожи, заправленные в тщательно начищенные ботфорты.

Судорожно вздохнув, Антония снова перевела взгляд на его лицо. В это же мгновение он посмотрел ей в глаза, и девушка снова утратила возможность дышать.

Помрачневший Филипп без труда удерживал ее взгляд. Затем его недовольство постепенно испарилось, уступив место неприкрытому изумлению.

– Антония?

Филипп не мог не услышать нотки удивления в своем голосе. Мысленно выругавшись, он изо всех сил постарался успокоить дыхание, что оказалось весьма трудной задачей. Послав ему обезоруживающую улыбку, Антония Мэннеринг подхватила юбки и спустилась в холл.

Филипп стоял словно пригвожденный к полу, пока девушка грациозно приближалась к нему. В голове хаотично проносились воспоминания. Мысленно он старался привести их в соответствие с той картиной, которую видел сейчас перед собой: холл пересекала стройная богиня с точеным лицом в форме сердечка, безмятежно смотревшая перед собой. Муслиновое платье с узором заманчиво облегалo изящную фигурку.

В последний раз, когда Филипп видел Антонию, ей было всего шестнадцать лет. Это была худощавая и веселая девчонка, но даже тогда она отличалась грациозностью. Теперь же девушка двигалась словно не касаясь земли. Она гостила у Рутвеннов каждое лето и была для него глотком свежего воздуха, принося с собой живой смех и искренние улыбки. Сейчас Антония тоже улыбалась, но выражение ее глаз он разгадать не мог.

Пока он наблюдал за ней, девушка произнесла, протянув ему руку:

– Верно, милорд. Прошло несколько лет с тех пор, как мы в последний раз виделись. Прошу меня извинить. Я не услышала, как вы приехали. – Безмятежно улыбаясь, она встретилась с ним взглядом. – Добро пожаловать домой.

С чувством, как будто Гарри Лестер резко ударил его в челюсть, Филипп взял ее руку. Внезапно ее пальчики задрожали, и Филипп инстинктивно сжал ладонь. Он не смог противостоять искушению взглянуть на изгибы ее губ, манившие его с восхитительной силой. Ему пришлось буквально заставлять себя снова посмотреть вверх – и тут же он попал в плен ее дымчато-зеленых с золотом глаз. В панике Филипп попытался освободиться от этого наваждения, переведя взгляд на блестящие золотистые кудри.

– Вы укоротили волосы.

В его тоне отразилось как изумление, так и неприкрытое разочарование.

Антония растерянно моргнула. Свободной рукой она нерешительно провела по нескольким локонам, выбившимся из прически.

– Нет, они все такие же длинные... просто... собраны в узел сзади.

«О!» – хотел произнести Филипп, но ни единого звука не слетело с его губ.

Недоумевающий взгляд, которым наградила его Антония, и вежливое покашливание Хьюго вернули его на землю. Его пронзило внезапное желание вынуть несколько шпилек из ее прически и удостовериться в том, что прекрасные золотые волосы остались такими же, какие он помнил. Вместо этого он глубоко вздохнул и отпустил наконец ее руку.

– Позвольте мне представить вам моего друга мистера Сэттерли. Хьюго, это мисс Мэннеринг, племянница моей мачехи.

Пока молодые люди обменивались приветствиями, Филипп сумел взять себя в руки. Когда Антония повернулась к нему, он только вежливо улыбнулся и заметил:

– Полагаю, вы все-таки уступили мольбам Генриетты?

Антония смело выдержала его взгляд.

– Год траура позади. Мне показалось, что уже подошло время для визитов.

Борясь с внезапным желанием широко улыбнуться, Филипп произнес:

– Для меня огромное удовольствие принимать вас в этих стенах. Надеюсь, вы подольше погостите у нас. Не сомневаюсь, ваше присутствие будет на пользу и Генриетте.

Антония мимолетно улыбнулась:

– Правда? Ведь на продолжительность моего визита может многое повлиять. – Еще мгновение она удерживала взгляд Филиппа, затем с улыбкой повернулась к Хьюго: – Однако я задерживаю вас в холле. Моя тетя сейчас отдыхает. – Антония посмотрела на Филиппа: – Приказать подать чай в гостиную?

Филипп мельком увидел испуганное выражение лица Хьюго.

– М-м-м... скорее всего, нет.

Лениво улыбнувшись, он пояснил:

– Боюсь, Хьюго сейчас нуждается в более крепком напитке.

Удивленно приподняв брови, Антония недоумевающе взглянула на Филиппа. Улыбнувшись, отчего на щеках появились очаровательные ямочки, она спросила:

– Эль в гостиной вам больше понравится, джентльмены?

Губы Филиппа дрогнули. Глядя ей в глаза, он кивнул:

– Ваша сообразительность, дорогая Антония, не исчезла с годами.

– Боюсь, что это так, милорд, – насмешливо изогнув тонкую бровь, сказала она и обратилась к дворецкому: – Фентон, подайте эль в гостиную для его светлости и мистера Сэттерли.

– Да, мисс. – С этими словами Фентон поклонился и вышел из холла.

Антония снова перевела взгляд на Филиппа и мягко ему улыбнулась:

– Я сообщу тете Генриетте, что вы прибыли. Она только что проснулась и с удовольствием примет вас через полчаса. А сейчас прошу меня извинить.

Филипп вежливо наклонил голову.

Хьюго изящно поклонился и произнес:

– С нетерпением буду ждать встречи с вами за обедом, мисс Мэннеринг.

Филипп тут же послал ему колючий взгляд, но Хьюго был слишком занят, возвращая Антонии ее улыбку, и ничего не заметил.

Оставив Хьюго в покое, Филипп встретился взглядом с Антонией. Не в силах отвести от нее глаз, он завороченно наблюдал, как она грациозно пересекла холл и поднялась по лестнице.

Хьюго прочистил горло:

– Так что насчет эля?

От неожиданности Филипп вздрогнул. Слегка нахмурившись, он в приглашающем жесте повел рукой в направлении библиотеки.

К тому времени, как Антония достигла дверей спальни, ей наконец удалось восстановить дыхание. Она и помыслить не могла, что ее маленькое предприятие потребует стольких усилий. Живот скрутило узлом, а бедное сердце еще частило. Обычно девушка не страдала такой нервозностью.

Нахмутив брови, она открыла дверь. Окна были широко распахнуты, в занавесках запутался легкий ветерок. Просторную комнату заполнили летние запахи – зеленой травы и роз с легким ароматом лаванды, доносившиеся из небольшого итальянского садика внизу. Плотно закрыв дверь, Антония пересекла комнату. Она оперлась обеими руками на подоконник и, глубоко дыша, наклонилась вперед.

– Это же ваше лучшее муслиновое платье!

Резко обернувшись, Антония обнаружила свою служанку Нелл, которая стояла перед открытым шкафом. Худошавая и угловатая, с совершенно не шедшим ей пучком на гладко зачесанных седых волосах, женщина была занята тем, что развешивала одежду хозяйки. Завершив работу, она повернулась и, грозно уперев руки в бока, спросила:

– Разве вы не хранили этот наряд для особого случая?

Антония попыталась скрыть улыбку; пожав плечами, она повернулась к окну:

– Мне захотелось надеть его именно сегодня.

– В самом деле? – Прищурившись, Нелл стала раскладывать носовые платки. – Это ведь хозяин только что приехал?

– Да, барон Рутвен. – Антония прислонилась к окну. – С ним его друг мистер Сэттерли.

– Всего один?

Тон служанки показался Антонии подозрительным. Тем не менее она улыбнулась:

– Да. Они оба будут присутствовать на обеде. Мне нужно решить, что надеть.

Нелл фыркнула:

– Это не займет много времени. Если вам придется провести какое-то время в обществе джентльменов из Лондона, то подойдет либо розовое платье из тафты, либо шелковое бледно-желтого цвета.

– Шелковое, – решила Антония. – И еще я бы хотела, чтобы ты красиво уложила мне волосы.

– Само собой. – Нелл закрыла дверцы шкафа. – Я только спущусь вниз, чтобы помочь остальным слугам подготовиться к приему гостей, а затем вернусь к вам.

– Хорошо, – пробормотала Антония, прислоняясь головой к прохладному стеклу окна.

Нелл скрыла улыбку и направилась к выходу. Она уже коснулась ручки двери, но немного помедлила, с любовью разглядывая хрупкую фигурку у окна. Антония не пошевелилась; на мгновение Нелл прищурилась, но затем черты ее лица разгладились.

– Следует ли мне передать мистеру Джеффри, чтобы он переоделся к обеду?

Этот вопрос резко вывел Антонию из задумчивости.

– Святые небеса! Я совсем забыла о нем.

– Кажется, впервые в жизни, – прошептала Нелл.

Антония сосредоточенно смотрела на столбик кровати, не услышав замечания своей верной служанки.

– Не забудь предупредить его, чтобы не спускался к столу, уткнувшись носом в очередную книгу!

– Не волнуйтесь, мисс, я прослежу. – Решительно кивнув, служанка удалилась.

Как только дверь захлопнулась, девушка снова посмотрела в окно, позволив взгляду затеряться в неповторимой красоте здешней природы. Антония очень любила это поместье. Ей

казалось, будто она вернулась домой; подсознательно она понимала, что ее истинное место вовсе не в своем имении Мэннеринг-Парк. Нет, сердце ее всегда оставалось здесь, в Рутвене, среди плавных переливов холмов, окруженных старыми деревьями, которые вечно несли свою стражу на подступах к дому. Именно эти чувства, а также искренняя привязанность к Генриетте повлияли на ее решение.

Джефффри был еще слишком молод, чтобы обеспечить им достойную жизнь, поэтому Антонии пришлось самой задуматься о будущем. В двадцать четыре года выбор ее был невелик; совершенно прозаичные надежды привели ее в этот дом.

Филипп, лорд Рутвен, должен в скором времени жениться.

Антония поморщилась: ее неожиданная реакция на его появление все еще была свежа в памяти. Но в четко продуманном плане не было места малодушию; днем она сделала только первый шаг. Ей придется и дальше играть свою роль – она никогда не простит себе, если хотя бы не *попытается*. А если Филипп не сделает выбор в ее пользу – что ж, так тому и быть.

Вспомнив о своем обещании сообщить тете о его приезде, она покачала головой. Глядя в зеркало, принялась взбивать кудри, снова и снова мысленно возвращаясь к поведению Филиппа при ее появлении. По меньшей мере, ей удалось привести его в замешательство – в данных обстоятельствах это можно считать хорошим знаком.

Для вящей уверенности повторяя себе эту мысль, она направилась в комнаты тети.

Внизу, в библиотеке, подкрепившись долгожданной кружкой превосходного эля, Хьюго решил, что настал подходящий момент задать мучившие его вопросы.

– Мэннеринг, Мэннеринг, – задумчиво проговорил он. – Никак не могу вспомнить эту семью.

Резко оторванный от мечтаний о самых прелестных губках, которые когда-либо видел в своей жизни, Филипп отставил в сторону опустевшую кружку.

– Йоркшир.

– А, тогда все легко объясняется, – глубокомысленно произнес Хьюго. – Те самые дебри на севере Англии.

– Все не так плохо, как тебе кажется, – возразил Филипп, откидываясь на спинку кресла. – Как я понимаю, Мэннеринг-Парк – довольно значительное поместье.

– Тогда что эта прелестница Антония здесь делает?

– Это племянница Генриетты, отец Антонии был единственным братом моей мачехи. Лорд и леди Мэннеринг часто гостили у нас. – Филипп снова вспомнил прошлые годы и словно вживую увидел перед собой, как юная девушка с длинными густыми волосами едет верхом на лучшей лошади его отца. – Они обычно оставляли Антонию у нас, пока сами отправлялись на светские рауты. Она все время здесь крутилась.

Смеющаяся и вечно болтавшая о пустяках, она тем не менее вовсе не раздражала его. Филипп был старше Антонии на десять лет, но это обстоятельство никогда ее не останавливало; он просто не мог побыть в одиночестве, Антония всегда была рядом. На его глазах из восхитительного, не по годам смышленного ребенка она превратилась в очаровательную умную девушку. Теперь ему придется привыкать к новой Антонии, от недавней встречи с которой он до сих пор не может перевести дух.

– Они перестали приезжать после смерти ее отца. – Филипп сделал паузу, подсчитывая в уме. – С тех пор прошло восемь лет. Леди Мэннеринг была буквально сражена несчастьем и перестала выезжать в свет. Генриетте же всегда нравилась Антония. Мачеха постоянно посылала ей приглашения, но, видимо, леди Мэннеринг не находила в себе сил отпустить дочь.

Хьюго вопросительно приподнял брови:

– Значит, мисс Мэннеринг каким-то образом удалось ускользнуть из-под опеки своей матери?

Филипп отрицательно покачал головой:

– Леди Мэннеринг умерла год назад. Генриетта снова стала забрасывать ее приглашениями, но Антония была непоколебима – ей нужно было присматривать за младшим братом. – Филипп нахмурился. Я не могу сказать, сколько ему лет, даже имени не помню.

– Как бы то ни было, она, похоже, изменила свое решение.

– Насколько я знаю Антонию, вряд ли. Только если очень сильно изменилась за это время. – Мгновение спустя Филипп добавил: – Возможно, он уехал учиться в Оксфорд.

Изучая спокойное лицо друга, Хьюго вздохнул:

– Ненавижу говорить прописные истины, но на случай, если ты не заметил, здесь явно кроется какая-то тайна.

Филипп недоуменно посмотрел на него:

– Тайна?

– Ты же ее видел! – Хьюго, бурно жестикулируя, подскочил в кресле. – Писаная красавица! Уже не легкомысленная девчонка и вовсе не старая дева – в самый раз, чтобы сражать мужчин наповал. И несмотря на все это, она не замужем! – Хьюго опустил в кресло, непонимающе качая головой. – Что-то здесь не так. Если Антония знатного происхождения и с большими связями, как ты говоришь, ее бы уже давно окрутили... У них на севере еще остались джентльмены, верно?

Брови Филиппа медленно поползли вверх.

– Уверен, что остались, и уж точно все они не могут быть настолько слепы.

Некоторое время друзья размышляли над этой головоломкой.

И в самом деле, загадка, – наконец вымолвил Филипп. – Ты так логично изложил факты, что мне остается предположить только одно: мы с тобой, мой дорогой Хьюго, можем быть единственными, кто впервые за долгое-долгое время видел Антонию.

Глаза Хьюго расширились.

– Ты ведь не думаешь, что мать Антонии держала ее взаперти?

– Не совсем, но и такое возможно. Поместье Мэннеринг-Парк стоит на отшибе, к тому же после смерти мужа леди Мэннеринг стала затворницей. – С непроницаемым выражением лица Филипп встал. Поправляя рукава, он взглянул на Хьюго. – Думаю, пора нанести визит Генриетте. Что касается ситуации с мисс Мэннеринг, я полагаю, что это следствие недомогания ее матери.

Генриетта, леди Рутвен, использовала более крепкие выражения.

– Настоящий позор – вот что это такое! Нет! – Оба ее подбородка затряслись от негодования. – Конечно, не следует отзываться плохо о мертвых, но такое пренебрежение Араминты Мэннеринг к собственному ребенку просто возмутительно!

Они находились в гостиной Генриетты. Это была очень уютная, со вкусом обставленная комната, красочно убранная живыми цветами и искусной вышивкой. Генриетта расположилась в своем любимом кресле возле камина; Филипп стоял подле нее, небрежно касаясь рукой каминной полки. Позади всех, склонив голову над вышивкой, сидела служанка Генриетты Трент и, не подавая виду, с любопытством ловила каждое слово.

Подняв обычно блекло-голубые, а сейчас светящиеся от гнева глаза на Филиппа, леди Рутвен продолжала:

– В самом деле, если бы не помощь местных дам, бедное дитя выросло бы, не имея ни малейшего представления о том, как вести себя в обществе! – Резким жестом она поправила шаль на плечах. – А что касается поисков подходящего мужа для Антонии, мне больно это признавать, но я совершенно уверена, что эта мысль вообще не приходила Араминте в голову!

С нахмуренными бровями она была похожа на разгневанную сову; Филипп наклонился, чтобы ее успокоить.

– Я встретил Антонию, когда мы приехали. Она кажется совершенно уверенной в своих силах.

– Конечно! – Генриетта насмешливо посмотрела на Филиппа. – Эта девушка не станет заламывать руки от постигшего ее несчастья и со страдальческим видом ожидать своего принца. Араминта взвалила на плечи дочери все дела по дому. С годами Антония стала отличной хозяйкой и прекрасно знает, как принять гостей. Но и это еще не все! Ей пришлось самой управлять огромным поместьем и полностью заботиться о своем младшем брате Джеффри. Это настоящее чудо, что она нашла в себе силы не согнуться под тяжестью этих обязанностей.

Филипп приподнял бровь:

– Мне показалось, ее плечи с легкостью выдерживают бремя этого груза.

Генриетта только фыркнула и глубже откинулась в кресле.

– Пусть так, но это же неправильно! Ее следовало вывезти в свет еще несколько лет назад. – Внезапно замолчав, она лениво перебирала пальцами бахрому на шали и вдруг посмотрела в глаза Филиппу. – Не знаю, в курсе ли ты, но мы предложили ей помощь – сопроводить Антонию в Лондон и представить обществу. Мы составим ей полный гардероб. Твой отец настоял на этом: ты же знаешь, Гораций всегда питал слабость к девочке.

Филипп согласно кивнул. Однажды двенадцатилетней Антонии пришлось в голову показаться на любимом гунтере его отца, но даже тогда он, сначала ошеломленный при виде этого зрелища, только похвалил ее манеру держаться в седле, вместо того чтобы хорошенько отшлепать несносную девчонку. Гораций никогда не скрывал своего восхищения откровенной прямоотой и присущей Антонии спокойной уверенностью в себе. Филипп признался себе, что и сам разделяет чувства своего отца к ней.

– Мы долго уговаривали и даже умоляли Араминту отпустить дочь, но она ничего не хотела слышать. – Взгляд Генриетты стал строже. – Совершенно ясно, что она хотела сделать из Антонии няньку для себя. Араминта была уверена, что в жизни ее дочери никаких перемен не произойдет.

С непроницаемым выражением лица Филипп молчал.

– В любом случае, – продолжила Генриетта тоном, не терпящим возражений, – теперь я считаю нужным дать Антонии то, чего она была так долго лишена. – Подняв голову, она решительно посмотрела на Филиппа. – Я хочу взять с собой Антонию на малый сезон.

На мгновение Филипп почувствовал странное волнение, но не мог понять причин, вызвавших его. Быстро взяв в себя в руки, он невозмутимо приподнял брови:

– В самом деле?

Генриетта кивнула, что свидетельствовало о твердости принятого решения.

Последовавшую долгую паузу нарушил Филипп.

– Могу я узнать, есть ли у вас дальнейшие планы на ее счет? – неожиданно застенчиво спросил он.

Довольная улыбка осветила морщинистое лицо Генриетты.

– Разумеется. Я хочу найти ей мужа!

На мгновение Филипп застыл в неподвижности, сохраняя невозмутимый вид. Затем тяжелые веки опустились, наполовину скрыв глаза.

– Конечно, – изящно поклонился Филипп. А когда выпрямился, выражение его лица стало таким же непроницаемым, как и голос. – Хьюго Сэттерли ждет меня внизу. Прошу извинить.

Только когда за ним захлопнулась дверь и до Генриетты донесся звук удаляющихся шагов, она позволила себе радостно улыбнуться:

– Неплохое начало!

Трент подошла, чтобы взбить подушки и расправить бесчисленное количество разнообразных шалей и платков, в которые была с головы до ног укутана хозяйка.

– Такое ощущение, что они уже виделись.

– Конечно! Какое удачное стечение обстоятельств! – просияла Генриетта. – Нам еще очень повезло, что дорогая Антония не забыла прислать тебя ко мне и я не проспала. Сама судьба распорядилась, чтобы Филипп приехал домой именно сейчас.

– Может быть, но Филипп, кажется, не очень вдохновлен присутствием Антонии. Не следует возлагать на него большие надежды. – Трент служила у хозяйки с самой ее свадьбы с прежним бароном Рутвен. Она сама видела, как юные леди, стремящиеся стать новой хозяйкой в поместье Рутвен, с тревожащей частотой сменяли друг друга, но ни одной из них не удалось надолго привлечь внимание Филиппа. – Мне бы не хотелось, чтобы вы сильно расстраивались, если что-то пойдет не так.

– Вздор! – Генриетта повернулась, чтобы взглянуть на свою верную помощницу. – За шестнадцать лет, проведенных рядом с Филиппом, я достаточно изучила его, чтобы твердо усвоить одну-единственную истину: никогда нельзя предугадать его реакцию на то или иное событие. Его чувства настолько притупились от модного сейчас отсутствия интереса к чему бы то ни было, что, даже если у него будет вдребезги разбито сердце, Филипп всего лишь приподнимет бровь и вежливо прокомментирует ситуацию. От него не дождешься страстных речей и бурных заявлений. Но я не сомневаюсь, что у нас все получится, Трент.

– Понимаю.

– *Я уверена*, что мой бездеятельный равнодушный пасынок привязан к Антонии Мэннеринг. – В сердцах Генриетта даже стукнула кулаком по ручке кресла и резко развернулась, чтобы взглянуть на Трент, которая при звуке удара поспешно ретировалась к окну. – Ты должна признать, что она идеально подходит ему.

Не поднимая глаз от своей вышивки, Трент согласно кивнула:

– Да, с этим невозможно спорить. Антония росла на наших глазах, у нее аристократическое происхождение, отличные манеры – в общем, она обладает всеми достоинствами, которые только можно пожелать.

– Вот именно! – Глаза Генриетты прямо-таки светились надеждой. – Все, что от нас требуется, – помочь ему это понять. Это не должно быть так уж трудно, в уме ему не откажешь.

– Именно это меня и беспокоит. – Трент отрезала нитку и потянулась к корзинке для шитья. – Несмотря на свою бездеятельность, он всегда начеку. Если Филипп только почувет, откуда дует ветер, то сразу же ускользнет. И дело даже не в том, нравится ли ему девушка. Просто он не любит, когда ему что-то навязывают, если вы понимаете, о чем я говорю.

Генриетта поморщилась:

– Конечно, понимаю. Я не забыла, что произошло, когда я пригласила к нам в гости мисс Локсби с семьей. Даже пообещала им, что Филипп непременно будет дома, помнишь? – Леди Рутвен вздрогнула. – Он всего лишь раз взглянул на ее мать, а затем разорвал помолвку в Бельвуаре. Поднялась страшная суматоха – я потратила целую неделю, пытаясь возместить им убытки. – Со вздохом Генриетта продолжала: – Самое страшное то, что по прошествии этой недели я и сама уже не хотела, чтобы он женился на мисс Локсби; я бы точно не вынесла, если бы ее противная мамаша стала нашей родственницей.

Со стороны Трент донесся подозрительный звук, похожий на сдавленное фырканье.

– Что ж, – Генриетта снова поправила съезжающую с плеч шаль, – можешь быть уверена, я прекрасно понимаю, что в этот раз нужно соблюдать особую осторожность, и не только по отношению к лорду Рутвену. Предупреждаю, Трент, если Антония заподозрит о моих планах, она может... ну, по меньшей мере, она может перестать мне доверять.

Трент согласно кивнула:

– Да. Она тоже не любит работать с напарником, совсем как наш Филипп.

– Совершенно верно. Но нравится им это или нет, я считаю своим долгом осуществить свой план, Трент. Как я уже говорила, мне бы не хотелось критиковать поведение лорда

Рутвена, но его бездействие именно в этой области приводит к пренебрежению своими обязательствами перед семьей и именем, которое он носит. Он непременно должен жениться и завести детей! Филиппу уже тридцать четыре года, а его еще ни разу не поразила стрела Купидона.

Я признаю, – воодушевленно продолжала Генриетта, – что вызвать у него чувства к Антонии – это самое желанное для нас средство помочь Филиппу выполнить свой долг. И все же мы не можем осуществлять наш план, основываясь на одних лишь эмоциях. Нет! Мы обязаны сделать все, что в наших силах, но действовать нужно очень осторожно. Может быть, следует устроить своеобразное соревнование между ними. Что бы ни думала по этому поводу Антония, заботиться о ней – моя прямая обязанность. Что касается Рутвена, – Генриетта сделала паузу, приложив руку к пышной груди, – я считаю своим святым долгом проследить, чтобы он был благополучно устроен, во имя светлой памяти Горация.

Глава 2

Ровно в шесть часов Филипп стоял в гостиной перед зеркалом над каминной полкой и лениво поправлял галстук. Обычно вся семья собиралась здесь за полчаса до обеда, однако Генриетта редко спускалась до появления Фентона.

Сосредоточившись на своем отражении, Филипп поморщился. Он опустил руки и обвел глазами гостиную. Никого не было, и Филипп принялся мерить шагами комнату.

Наконец, на двери шелкнула задвижка. Филипп остановился и выпрямился, предвкушая встречу с одной особой, – впрочем, этой надежде не суждено было сбыться. Какой-то юноша – или молодой человек? – неуверенно вошел в комнату. Увидев Филиппа, он остановился как вкопанный:

– Хм... кто вы такой?

– Я хотел задать тот же вопрос. – Филипп изумленно разглядывал блондина с ореховыми глазами и густой волнистой шевелюрой. – Ты брат Антонии, верно?

Юноша залился румянцем.

– Вы, должно быть, лорд Рутвен. – Когда Филипп кивнул, молодой человек покраснел еще сильнее. – Прошу прощения, вы правы, я Джеффри Мэннеринг. Приехал в гости, вы, наверное, уже в курсе. – При этих словах юноша протянул было руку, но затем в нерешительности отдернул ее.

Филипп разрешил его сомнения крепким рукопожатием.

– Нет, я не знал о вашем приезде, – произнес он, освобождая руку Джеффри. – Но мне, конечно, следовало догадаться об этом. – Изучая открытое лицо юноши, Филипп приподнял бровь. – Полагаю, твоя сестра думает, что должна держать тебя под своим крылышком?

– Именно, – поморщился Джеффри. Они встретились взглядом, и молодой человек опять покраснел. – Она, возможно, и права. Осмелюсь заметить, что было бы дьяв... – он быстро поправился, – довольно скучно оставаться в Мэннеринге одному.

Филипп наскоро скорректировал свое мнение о возрасте юноши в меньшую сторону, а о его сообразительности – в большую и изучающе наклонил голову. У Джеффри была точно такая же кожа, как и у Антонии, будто фарфоровая, не тронутая солнцем. Это весьма странно для нормального парня в его возрасте.

– Ты приехал на летние каникулы?

Джеффри снова покраснел, на этот раз от удовольствия.

– Я еще не дорос. Учеба начнется только в следующем семестре.

– Тебя уже приняли?

Джеффри гордо кивнул:

– Да. Это наделало шуму, мне ведь всего шестнадцать лет.

Губы Филиппа растянулись в улыбке.

– Ничего другого от Мэннерингов я не ожидал.

За долгие годы знакомства у Филиппа были основания судить о сообразительности Антонии.

Равнодушно осматривая безупречный костюм Филиппа, Джеффри с отсутствующим видом кивнул.

– Осмелюсь предположить, что вы меня не помните, но я был здесь много лет назад, когда родители оставляли нас с сестрой у Генриетты. Почти все время я проводил в детской – либо в комнате у тетушки. Она очень тепло, можно сказать, по-матерински ко мне относилась.

Филипп, занятый драпировкой идеальных складок на рукаве, криво улыбнулся:

– На самом деле я помню. Ты себе не представляешь, насколько я благодарен Антонии, а позже и тебе. Вы давали выход материнским чувствам Генриетты. Я ее очень люблю, однако

сильно сомневаюсь, что наши отношения были бы такими сердечными, если бы она продолжала оттачивать свои таланты на мне вместо других, более подходящих мишеней.

Джеффри смерил Филиппа оценивающим взглядом.

– Но вы, должно быть, были вполне... то есть почти взрослым, когда Генриетта вышла замуж за вашего отца.

– Не таким уж и стариком я был – всего восемнадцать лет. И если ты считаешь, что теперь, когда ты вырос, Генриетта перестанет о тебе заботиться, советую подумать хорошенько еще раз.

– Я уже в курсе! – С гримасой отвращения Джеффри отвернулся, взял первую попавшуюся статуэтку и стал крутить ее в руках. – Иногда, – понизив голос, доверительно произнес он, – мне кажется, что я навсегда останусь ребенком в их глазах.

Филипп щелчком смахнул крупицу корпии с рукава.

– Пусть это тебя не беспокоит. – Теперь Филипп говорил как с равным себе. – Но все же пройдет много времени, прежде чем они тебя отпустят.

Джеффри скривился:

– В том-то и дело. Я уже не верю, что они когда-нибудь это сделают. Раньше меня никуда не отпускали. – Насупившись, он продолжал: – Мама и слышать не хотела о том, чтобы отправить меня в школу, я постоянно занимался с учителями дома.

Тут открылась дверь, и их тет-а-тет прервался. Филипп выпрямился, когда в комнату вошла Антония. Джеффри заметил его движение, поставил фигурку на место и скромно последовал в глубь комнаты.

– Добрый вечер, Антония.

Филипп любовался тем, как грациозно она идет, окутанная облаком мягкого желтого шелка; облекая сверху и ниспадая от талии бесподобными складками, платье, словно вторая кожа, повторяло все изгибы ее фигуры. Золотистые локоны непокорно выбивались из тщательно уложенной прически; взгляд светло-зеленых глаз с золотистыми искорками, как обычно, обращен прямо.

– Милорд. – Антония изящно наклонила голову и перевела взор на брата. – Джеффри. – Безмятежная улыбка слегка увяла. – Вижу, вы уже познакомились. – Про себя Антония взмолилась, чтобы Джеффри не завел снова разговор на одну и ту же неприятную тему, которую, к ее огорчению, он был склонен обсуждать при встрече с джентльменами.

Филипп улыбнулся в ответ:

– Мы обсуждаем предстоящее приключение Джеффри – присоединение к академической элите нашего общества.

– Приключение? – Антония моргнула, изумленно переводя взгляд с Филиппа на брата и обратно.

– Конечно, приключение, – уверил ее Филипп. – Во всяком случае, так было со мной. Сомневаюсь, чтобы что-то изменилось с тех пор. Высокая драма, бурное веселье, настоящая жизнь во всех ее проявлениях! Этот опыт необходим, чтобы юный джентльмен смог обрести мудрую уверенность в себе и своих силах.

Глаза Антонии расширились.

– Мудрую уверенность?

– *Выдержку*, способность быть как дома в любой компании, знание, с которым можно смело вступать в новую жизнь. – Филипп повел плечами, насмешливо глядя на нее. – Где еще, по-вашему, джентльмены могли бы научиться непринужденно держаться в любом обществе, моя дорогая?

Слова застыли на кончике языка Антонии, она с трудом смогла заставить себя их проглотить.

– Затрудняюсь сказать, – ответила она самым холодным тоном, который только был в ее арсенале. Свет дразнящими бликами отражался в глазах Филиппа, отчего у нее в животе творилось нечто невообразимое. Быстрый взгляд на Джеффри подтвердил, что ее не по годам развитый братец вовсе не был так несведущ, чтобы не понять смысла этих острот. Вздернув подбородок, она поймала взгляд Филиппа. – Уверена, что *учебные* занятия покажутся Джеффри очень увлекательными.

Ей не суждено было узнать, сумел ли Филипп придумать достойный ответ на этот выпад; дверь снова отворилась, пропуская Генриетту в сопровождении Хьюго.

Поворачиваясь, чтобы поприветствовать тетю, Антония уловила мимолетное выражение досады на лице Филиппа. Оно появилось и исчезло так быстро, что она уже не была полностью уверена, что истолковала его верно. Пока она над этим размышляла, вошел Фентон и торжественно объявил о начале обеда.

– Надеюсь, честь сопровождать вас принадлежит мне?

Антония повернулась и увидела, что Филипп предлагает ей руку. Осмотревшись, она обнаружила, что Генриетта и мистер Сэттерли, полностью поглощенные разговором, уже проследовали в столовую. С царственным видом Антония положила свою руку на рукав Филиппа:

– Как пожелаете, милорд.

Тот вздохнул, шутливо закатив глаза:

– Ах, какое это наслаждение – быть хозяином в собственном доме!

На губах Антонии мелькнула легкая улыбка, но ответа не последовало. Вместе они продолжали путь в столовую. За обедом присутствовало пять человек: Филипп занимал место во главе стола, Генриетта сидела напротив, по правую руку от нее расположился Хьюго Сэттерли, по левую – Джеффри. Филипп предпочел усадить Антонию поближе к ее брату – и заодно к самому себе.

Сначала разговор ничем не отличался от обычной светской беседы за столом. Хьюго выкладывал неистощимый запас самых последних новостей и слухов. Филипп выждал, пока Генриетта, известная любительница посплетничать, не начнет забрасывать Хьюго вопросами. Джеффри также не терпелось побольше узнать о большом мире, двери которого распахнутся для него буквально через несколько месяцев.

С легкой улыбкой Филипп передвинулся поближе к Антонии, пытаясь поймать ее взгляд.

– Из того, что успела поведать мне Генриетта, я узнал, что последние восемь лет вы жили очень уединенно.

Девушка пристально посмотрела на него, выражение ее лица при этом стало серьезным и, как ему показалось, немного мрачным. Она слегка повела плечами:

– Моя мама была нездорова. У нас вообще было мало времени для увеселений. Конечно, когда я достигла определенного возраста, дамы, живущие неподалеку, приглашали меня к себе. – Она отсутствующе смотрела перед собой, пока Фентон убирал ее тарелку из-под супа. – На собрания в Хэрроугейт.

– Хэрроугейт. – Филипп сохранял невозмутимый вид. С тем же успехом она могла бы пожелать, чтобы ее похоронили заживо. Он подождал, пока Фентон поставит на стол следующее блюдо, и продолжил: – Но иногда ваша мама все-таки устраивала приемы?

Пробуя крошечный кусочек рыбы тюрбо, щедро сдобренной густым сладким соусом, Антония покачала головой:

– Только не после смерти отца. Естественно, мы принимали гостей, но чаще всего мама сказывалась больной и не спускалась к ним.

– Понимаю.

Это тихое высказывание заставило Антонию внимательно посмотреть на барона.

– Только не думайте, что я страдала от отсутствия развлечений. – Дотянувшись до блюда с грибами, она предложила их Филиппу. – Я очень быстро нашла, чем себя занять. Ведение

домашнего хозяйства и управление поместьем не давали мне особенно скучать. Мама никогда не была склонна к таким занятиям. И еще я заботилась о Джеффри. Мама всегда считала, что у него слабое здоровье. Это, конечно, не так. Но она была твердо уверена, что он унаследовал ее болезненность. Ничто не могло убедить ее в обратном.

Филипп бросил взгляд мимо Антонии: Джеффри на другом конце стола был целиком поглощен разговором.

– Кстати, о Джеффри. Как вам удалось найти учителей, которые бы ему подошли? Наверняка с ним было непросто.

Тут же он осознал, что подобрал ключик к Антонии. Ее глаза засветились от гордости.

– Безусловно. Когда брату исполнилось девять лет, он уже знал больше самого викария!

Тут последовал воодушевленный пересказ всех достижений Джеффри, щедро разбавленный историями о постигших его неудачах и простых деревенских радостях. Филипп достаточно услышал, чтобы понять, какую жизнь, по большей части, вела Антония. А что именно нужно делать, чтобы поток ее откровений не иссякал, он только что очень искусно выведал. По мере продолжения ее истории Филипп вдруг понял, что имя викария всплывает в разговоре слишком часто.

Отложив в сторону вилку, он потянулся за своим бокалом с вином.

– Судя по вашему рассказу, этот викарий очень серьезно подходит к выполнению своих обязанностей.

Антония тепло улыбнулась:

– Несомненно. Мистер Смотингэм всегда нас поддерживал. Это настоящий рыцарь без страха и упрека. – С легким вздохом она перенесла свое внимание на тарелку с крыжовником, которую Фентон поставил перед ней.

В это время Филипп озадаченно размышлял, почему так агрессивно настроен по отношению к, скорее всего, абсолютно невинному человеку, – он ведь даже не был знаком с этим викарием. Прочистив горло, барон произнес:

– Генриетта упомянула, что подумывает о поездке в Лондон на малый сезон.

– В самом деле. – Наслаждаясь угощением, Антония искоса взглянула на Филиппа. – Она предложила мне составить ей компанию. Надеюсь, вы не против?

– Против? – Филипп сохранял непроницаемое выражение лица. – Ну что вы, вовсе нет. – Подняв ложку, он атаковал блюдо, стоявшее перед ним. – Если честно, я даже рад, что вы поедете с ней.

Антония улыбнулась и перенесла все внимание на свой десерт.

Филипп отказался от своего и вновь потянулся за бокалом вина. Он сделал глоток, не отрывая глаз от Антонии.

– Предполагаю, вам уже не терпится покорить светское общество?

Она открыто встретила пристальный взгляд барона, приведя его в замешательство.

– Не знаю. – Ее брови насмешливо приподнялись, губы изогнулись в легкой улыбке. – А как вы считаете, мне понравится вращаться в высшем свете?

Невольно взгляд Филиппа упал на ее рот, такой сочный, нежный. Он наблюдал, как кончиком языка она обводит контуры губ, оставляя влажный блестящий след. С неизменным бесстрастным выражением лица барон глубоко вдохнул. Медленно он поднял глаза и встретился взглядом с Антонией.

– Что касается этого, моя дорогая, я даже не рискну угадывать.

* * *

Своими расспросами о Лондоне Филипп всего лишь хотел удостовериться в том, что она добровольно согласилась помочь Генриетте. Его мотивы, как он сам себя уверял, были абсо-

лютно бескорыстны. Генриетта могла быть совершенно непробиваемой, когда ею овладевало какое-либо желание. И если Филипп верно истолковал ее поведение, Генриетте страстно хотелось устроить будущее Антонии.

– Я сейчас не в настроении для бильярда. – Допив вино, он встал и поправил костюм. – Предлагаю присоединиться к нашим дамам.

Джеффри, впервые принятый в круг джентльменов, не заметил ничего странного в поведении барона. Хьюго не был таким наивным. С крайне изумленным выражением лица он повернулся к другу.

Филипп проигнорировал его взгляд и без каких-либо комментариев направился в гостиную.

Если Генриетта и была удивлена тем, как внезапно он изменил своей давно устоявшейся привычке, то ничем этого не показала. Удобно устроившись в кресле, она оторвалась от вышивания и тепло улыбнулась:

– Замечательно, вы как раз вовремя! Джеффри, Антония, спойте для нас что-нибудь, прошу вас.

Генриетта приглашающе указала рукой на старинное фортепиано, стоявшее под распахнутыми настежь окнами. Антония послушно села за инструмент, легко коснулась клавиш. Из-под ее пальцев полилась нежная мелодия.

Джеффри кивнул и присоединился к сестре. Антония, ободряюще улыбнувшись, прервала игру и стала перебирать нотные записи. С присущей ему грацией Филипп лениво проследовал за Джеффри. Стоя возле кресла Генриетты, Хьюго какое-то время рассматривал участников своеобразной процессии, затем пожал плечами и замкнул их ряды.

– Давай попробуем исполнить эту песню, хорошо? – Антония поставила ноты на пюпитр. Джеффри пробежал глазами строчки и согласно кивнул.

Филипп занял позицию возле фортепиано, откуда он мог видеть лицо Антонии. Как только ее пальцы коснулись клавиш и звуки первых аккордов старинной баллады наполнили комнату, она подняла голову и встретилась глазами с Филиппом. Мимолетная улыбка тронула ее губы; мгновение они смотрели друг на друга. Затем Антония опустила взгляд на клавиатуру, и музыка зазвучала с новой силой.

Они с Джеффри пели в унисон. Чистый тенор Джеффри сливался воедино с более ярким, выразительным голосом Антонии. Один куплет девушка пела одна; Филипп блаженно закрыл глаза, наслаждаясь звучанием ее голоса. Это уже был не легкий девичий голосок, а глубокое, страстное контральто с едва заметной хрипотцой.

Когда Джеффри снова запел, Филипп открыл глаза. Он увидел, как Антония ободряюще посмотрела на брата, и они энергично исполнили последний куплет. Как только затихли последние аккорды, Генриетта и Хьюго разразились аплодисментами.

Джеффри вспыхнул от смущения. На нежном лице Антонии мелькнула легкая тень вызова. Она неторопливо повернулась к Филиппу и пристально на него посмотрела.

– Вы готовы, милорд? – изящно изогнув бровь, с насмешкой спросила девушка.

Филипп легко различил двоякий смысл ее слов. Он слегка наклонил голову и гордо выпрямился, отвечая на ее вызов, затем подошел к пианино и опустил руку на плечо Джеффри.

– Боюсь, что после такого искусного выступления мои вялые попытки что-то исполнить всех разочаруют; однако, если найдете более простую песню, я постараюсь оправдать ваши надежды.

Он встал позади Антонии; Хьюго тут же занял его место возле фортепиано.

С одобрительной улыбкой Антония стала наигрывать простенькую деревенскую балладу; сильный баритон Филиппа вторил мелодии, с легкостью выдерживая постоянно меняющийся темп. Неожиданно Хьюго захватило их невинное развлечение, и он решил повеселить собравшихся, исполнив бесшабашную матросскую песню. Антония, аккомпанируя ему, добавила

юмора выступлению и специально затягивала длинную ноту в конце предпоследней строчки каждого куплета – получалась очень комичная пауза. Всего же в песне было двадцать куплетов. Присоединившийся Джеффри, а затем и Филипп помогали Хьюго допеть шутивную мелодию. К концу выступления все безудержно смеялись, сиюсья перевести дух.

Расплывшись в улыбке, Генриетта энергично зааплодировала и предложила выпить чаю.

Глаза Антонии все еще искрились от смеха, когда она повернулась на табурете и увидела Филиппа, стоявшего позади нее. Медленно она подняла голову и встретила с ним взглядом. Несмотря на спокойное выражение лица, его серые глаза были слегка прикрыты. Девушка невозмутимо приподняла бровь и увидела, как превосходно очерченные губы Филиппа растянулись в улыбке.

Он протянул ей руку:

– Хотите чаю?

– С удовольствием, милорд. – Вздернув подбородок, Антония вложила пальчики в его ладонь. Внезапно ее пронзила волнующая дрожь. Стараясь не обращать на это внимания, она поднялась; рука об руку они пересекли комнату и присоединились к Генриетте.

С напускным спокойствием Антония приняла чашку чая из рук тети, но не нашла в себе сил от нее отойти. Девушку накрыло волной незнакомых ощущений, сердце бешено стучало в груди. Вот же напасть! Подобная чувствительность никак не могла помочь ее замыслам. Никогда в жизни Антония так не страдала, она только могла надеяться на то, что этот эффект вскоре исчезнет.

К ее облегчению, Генриетта не обратила внимания на необычность поведения своей протеже. Допив чай, Джеффри направился к фортепиано. Потягивая напиток, Антония сосредоточила свои усилия на том, чтобы успокоить нервы.

С маской полного безразличия на лице Филипп внимательно наблюдал за ней.

– Кстати, Рутвен, – Генриетта отвернулась от Хьюго, – я все хотела посоветоваться с тобой насчет приема для наших соседей. Мы очень давно не приглашали к себе гостей. Теперь у нас есть Антония, которая обязательно нам поможет. Я правда чувствую, что в силах организовать подобное мероприятие.

Филипп удивленно приподнял бровь:

– Вы так считаете?

По его голосу любой мог понять, насколько не хотел барон, чтобы его втягивали в нечто подобное.

Генриетта властно кивнула:

– В конце концов, это наш долг. Я собиралась устроить шикарный бал – в убранном цветами зале, с музыкантами, танцами, изысканными блюдами.

– Даже так? – Тон Филиппа становился все более отстраненным. Он обменялся тревожным взглядом с Хьюго.

– Да. – Генриетта нахмурилась и сморщила нос. – Но Антония обратила внимание на то, что прошло уже очень много времени с тех пор, как мы устраивали праздник и для наших арендаторов.

Филипп взглянул на Антонию; та, скромно опустив глаза, мелкими глотками пила чай. Он недоверчиво фыркнул.

– Взвесив все за и против, – а я действительно не намерена упустить эту возможность, Рутвен, – я считаю, что лучше принять предложение Антонии. – Скрестив руки на коленях, Генриетта снова решительно кивнула.

И в чем же, – нарочито бесстрастным тоном спросил Филипп, – состоит предложение Антонии?

– Ну как же, деревенский праздник на лоне природы, разве я не сказала? – Генриетта не сводила с него внимательных глаз. – Потрясающая идея, уверена, даже ты это признаешь. Все

мероприятия мы организуем на наших полях: бадминтон, стрельба из лука, игры для детей. Угощение и эль для фермеров мы поставим на столах на лужайке, а для соседей обустроим удобную террасу, откуда будут видны все развлечения.

Забывшись, Генриетта бурно жестикулировала.

– Целый день гости смогут наслаждаться играми на природе. Думаю, празднество лучше организовать не позже чем на следующей неделе, иначе может испортиться погода и все наши старания пройдут впустую. Естественно, тебе нужно будет присутствовать. Как насчет следующей субботы?

Филипп выдержал ее вопросительный взгляд, но выражение лица оставалось непроницаемым. Вечеринка в саду, естественно, предпочтительнее шикарного бала – но какой ценой ему это дастся? Перед глазами встала картина: сотни фермеров с женами громко топали по его лугам, слышались пронзительные крики их детей, переходящие в жалобные стоны нескольких из них, упавших в озеро. Но хуже всего, он отчетливо видел, как со всех сторон его зажимала в кольцо стайка жеманных глупых местных девушек, с которыми ему волей-неволей придется вести себя учтиво.

– Я буду только рада помочь.

Мягкие слова Антонии прервали безрадостные видения Филиппа. Он бросил подозрительный взгляд в ее сторону и, медленно приподняв бровь, снова повернулся к Генриетте:

– Боюсь, если решите выступить в роли хозяйки такого масштабного мероприятия, это вас слишком утомит.

Улыбка Генриетты была поистине триумфальной.

– Не стоит беспокоиться обо мне. Мои обязанности по большей части будет выполнять Антония. – Я же с другими дамами моего возраста буду наблюдать за всем происходящим с террасы.

– Могу себе представить, – сухо бросил в ответ Филипп. Он перевел взгляд на девушку: – Похоже, вам придется взвалить на себя множество забот.

Антония вздернула подбородок и высокомерно посмотрела на барона:

– Для вас, милорд, это станет открытием, но я вполне способна с этим справиться. Я часто устраивала приемы в Мэннеринг-Парке, и мне не составит труда присмотреть за праздником, который организует тетя.

– Конечно, – скептически протянул Филипп, отчего глаза Антонии возмущенно засверкали.

– Отлично! – Генриетта стукнула тростью по полу. – Значит, суббота. Завтра мы разошлем приглашения.

Филипп изумленно моргнул. Хьюго, похоже, тоже был ошеломлен скоростью, с которой мачеха принимала решения. Сама Генриетта, конечно, не скрывала своей радости и широко улыбалась пасынку. Тот сделал глубокий вдох, немного помедлил и обреченно склонил голову:

– Хорошо.

Выпрямившись, он постарался поймать взгляд Антонии. Ее лицо выглядело абсолютно безмятежным, однако выражение зеленых с золотом глаз было намного сложнее прочесть. Девушка слегка приподняла брови и потянулась за его опустевшей чашкой.

Прищуриив глаза, Филипп жестом отказался от дополнительной порции чая.

– Что ж, пожалуй, нам ничего больше не остается, как прибегнуть к вашей помощи, мисс Мэннеринг.

В ответ она послала ему солнечную уверенную улыбку и отодвинулась.

Едва сдержавшись, чтобы не фыркнуть, Филипп повернулся и увидел, что Хьюго стоит прямо у него за спиной.

– Думаю, я лучше присоединюсь к Джефффри. – Хьюго передернул плечами. – Если ты не заметил – атмосфера здесь явно изменилась, и не в лучшую сторону.

На траве еще сверкала роса, когда на следующее утро Антония шла по направлению к конюшням. Она уже очень давно не практиковала утренние прогулки верхом. Возвращение Филиппа воскресило некоторые приятные воспоминания и привычки.

Войдя на конюшню, девушка немного помедлила, позволяя глазам привыкнуть к тусклому свету. Приподнявшись на цыпочки, она посмотрела поверх лоснящихся спин лошадей и попыталась определить, в каком стойле находится гнедой мерин, который, по словам старшего конюха, был любимцем Филиппа.

– Вижу, вы все та же отважная наездница.

Затаив дыхание, Антония резко развернулась. Бархатные юбки ее амазонки вихрем закружились вокруг нее, коснувшись сапог Филиппа. Он стоял так близко, что ей пришлось, одной рукой придерживая шляпку, приподнять голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Я не заметила вас, – потрясенно выдохнула она; Антония даже выругалась про себя.

– Я так и понял. Мне показалось, что вы что-то ищете. – Его глаза с легкостью удерживали на себе взгляд девушки. – Я прав?

На мгновение сознание Антонии затуманилось; внезапно почувствовав сильное раздражение, она отрывисто бросила ему:

– Я искала Мартина. – Девушка обернулась, обозрела конюшню в поисках грума и искоса взглянула на Филиппа. – Хотела, чтобы он оседлал для меня лошадь.

Филипп сжал зубы. Помедлив, он спросил:

– На какой из моих лошадей вы уже ездили верхом?

– Ни на какой. – Подобрав юбки, Антония неторопливо пошла по неширокому проходу между стойлами, со знанием дела оценивая лошадей.

Филипп последовал за ней.

– Выбирайте любую, – произнес он в полной уверенности, что она прекрасно справится с этим и без его помощи.

– Благодарю вас. – Антония остановилась возле чалого жеребца с длинным хвостом. Про себя Филипп заметил, что тот явно настроен вызывающе – собственно, он почти всегда так себя вел. – Думаю, этот мне подойдет.

Любой другой женщине Филипп, не раздумывая, отказал бы. Вместо этого он только фыркнул и уверенно зашагал прочь. Вернувшись с боковым дамским седлом, уздечкой и поводьями, он увидел, как Антония что-то нашептывает огромному коню на ушко. Тот, словно самая смиренная кобылка, весьма заинтересованно ее слушал.

Хмыкнув, Филипп открыл дверцу стойла. Быстро и умело оседлал жеребца, изредка поглядывая на то, как Антония воркует с этим чудовищем. Филипп прекрасно знал, что она с легкостью могла оседлать любую лошадь самостоятельно, но она была единственной, кому он доверил бы проделать эту операцию с таким непослушным конем.

Было бы неучтиво с его стороны позволить ей сражаться с седлом – слишком уж соблазнительную картину она собой представляла: бархатная амазонка цвета темно-желтого топаза красиво оттеняла ее золотистые волосы, облегаящий корсаж подчеркивал женственные изгибы ее груди и осиную талию. Как будто почувствовав его восхищенный взгляд, она пристально посмотрела на него; Филипп уперся локтем в бок животного и подтянул подпругу.

– Подождите, пока я закончу седлать своего Пегаса.

Антония кивнула ему:

– Я пока выведу своего коня во внутренний дворик.

Филипп восхищенно наблюдал за тем, как девушка уверенной рукой ведет в поводу жеребца, затем вернулся в стойло. Тут послышался звук торопливых шагов, доносившихся с внутреннего двора, мощного бульжником. Нахмурившись, Филипп пристроил седло на дверцу стойла. Хьюго – он был точно в этом уверен! – еще спит. Тогда кто это мог быть?

– Доброе утро! Извините, я немного припозднился. – Джеффри помахал ему рукой и направился к стойлам. Проходя мимо Филиппа, юноша жизнерадостно улыбнулся барону. – Я так и думал, что вы рано встанете и сразу направитесь сюда. Я вас не задержу. – С этими словами он исчез внутри конюшни.

Филипп едва подавил стон и уткнулся головой в лощеный бок своего жеребца. Выпрямившись, барон развернулся и встретился с недоуменным взглядом Пегаса, явно не привыкшего к проявлению эмоций своего хозяина.

– Слава богу, ты не умеешь смеяться, – яростно пробормотал тот.

К тому времени, как его светлость показался из дверей конюшни, Антония уже обнаружила во дворе специальную подставку и теперь горделиво восседала на жеребце. «Просто непостижимо, как эта тоненькая стройная девушка справляется с таким огромным дерзким животным», – подумал барон, глядя, как Антония без особых трудностей держится в седле.

Стиснув зубы, Филипп развернулся лицом к своему коню; через минуту к ним присоединился Джеффри, ведя в поводу серого гунтера.

– Все в порядке? – спросил тот, взглянув сначала на барона, а потом на Антонию.

Филипп кивнул:

– Все прекрасно. Можно ехать.

Оживленная поездка значительно улучшила настроение барона. Он скакал первым, стараясь держаться рядом с девушкой. Джеффри следовал за ним по пятам. Много лет – по меньшей мере восемь – прошло с тех пор, как Филипп наслаждался такой скачкой, стремительной, необузданной, в компании человека, умеющего управлять лошадью так же ловко, как и сам барон. Перескакивая через барьер, он бросил оценивающий взгляд на Антонию и удостоверился: девушка нисколько не растеряла своих навыков. Джеффри был почти так же хорош в седле, как и его сестра.

Слившись в полном единении с лошадьми, они мчались, как ветер, пока не остановились на живописном холме за многие мили от поместья. Филипп повернулся, с трудом переводя дыхание. Его глаза встретились с глазами Антонии, в которых, как в зеркале, отразилась его счастливая улыбка. Возбуждение от скачки все еще пульсировало по его венам; он увидел, как девушка запрокинула голову и громко рассмеялась в небеса.

– Это было *так приятно*! — все еще улыбаясь, воскликнула она и опустила голову, снова встретившись взглядом с глазами барона.

Задержав дыхание, они кружили на лошадях, чтобы дать им возможность остыть. Филипп охватил взглядом окружающие их поля, используя это мгновение, чтобы освежить свою память. Краем глаза он заметил, что Антония делает то же самое.

– Эти деревья, – внезапно произнесла девушка, указывая на левую от них сторону дороги, – только посадили, когда я проезжала здесь в последний раз.

Деревья – по большей части березы – были двадцать футов вышиной, устремляясь вершинами в небо. Густой подлесок, плотно переплетаясь ветвями, служил пристанищем для барсуков и лисиц.

– Наши лошади почти не устали. – Джеффри туго натянул поводья. – Вон там виднеются руины. – Кивком он указал направление к востоку. – Я быстро съезжу, посмотрю, что там есть интересного. – Приподняв бровь, он вопросительно посмотрел на Филиппа.

Тот согласно кивнул.

– Обратно мы поедем по броду. Можешь присоединиться к нам на другом берегу реки.

Джеффри на глаз определил, где находится брод реки, кивнул и ускакал прочь.

С нежной улыбкой на губах Антония наблюдала, как брат стремительно пересекает поля. Вздохнув, она повернулась к Филиппу, в глазах ее застыло некое чувство, которое он не смог определить.

– Не могу выразить словами, насколько рада, что он не потерял своей сноровки.

Спускаясь с холма первым, Филипп недоуменно приподнял брови:

– В обращении с лошадьми? У вас были сомнения на этот счет?

Антония пустила лошадь вперед, двигаясь теперь наравне с бароном. Ее губы слегка изогнулись, она пожала плечами:

– Восемь лет – это очень долгий срок.

Филипп моргнул. Прошло еще какое-то время, прежде чем он все-таки спросил:

– Разве вы с Джеффри не ездите регулярно верхом?

Антония в удивлении посмотрела на него:

– Я думала, вы знаете. – Филипп послал ей непонимающий взгляд, и она объяснила: – Папа погиб на охоте. Почти сразу же после его смерти мама продала конюшню. Она сохранила только двух лошадей для кареты – сказала, что большее количество нам не понадобится.

С каменным выражением лица Филипп смотрел вперед. Мгновение спустя он вкрадчиво спросил:

– То есть с момента последнего визита в поместье Рутвен-Мэнор вы совсем не катались верхом?

Озвучивая эту догадку, барон пришел в ярость. Езда верхом всегда доставляла ей бесконечное наслаждение. Каким эгоистичным должен быть родитель, запрещающий своему ребенку кататься на лошадях! Филипп и без того был невысокого мнения об Араминте Мэннеринг, теперь же она окончательно упала в его глазах.

Сосредоточив свое внимание на жеребце, Антония покачала головой:

– Для меня это ровным счетом ничего не значит, но Джеффри... Вы же знаете, как важны *такие* навыки для джентльменов.

Филипп заставил себя оставить двусмысленный ответ Антонии без комментариев – у него совершенно не было желания беречь ее старые раны. И только когда они добрались наконец до берега реки, Филипп небрежно произнес:

– В конце концов, у Джеффри были превосходные учителя. Его отец и вы.

За это он был вознагражден сияющей улыбкой.

– Многие бы сказали, что меня вряд ли можно ставить в пример.

– Они просто вам завидуют.

Антония от души рассмеялась. При звуке ее смеха, теплого, искреннего, Филиппом овладели странные чувства. Он не мог отвести взгляд от ее губ, белой лебединой шеи... Внезапно мерин под ним встал на дыбы. Инстинктивно барон сжал поводья.

– Нам пора ехать. Джеффри, должно быть, уже заждался.

Они быстро поскакали рядом; оба их коня, гнедой и чалый, плавно несли своих хозяев к реке. Возле брода к ним присоединился Джеффри; они развернули лошадей и помчались обратно к поместью, пока с шумом не въехали во внутренний дворик конюшни, откуда всего лишь час назад отправлялись на прогулку.

Джентльмены с легкостью соскользнули с седел; Филипп передал поводья своего Пегаса Джеффри, который увел обоих жеребцов.

Запыхавшаяся после головокружительной скачки, Антония снова потеряла возможность дышать: руки Филиппа, такие сильные и уверенные, внезапно сомкнулись вокруг ее талии. Он с легкостью приподнял девушку, как будто она весила не больше годовалого ребенка, и медленно опустил на землю.

Антония почувствовала, как у нее вспыхнули щеки; она смогла лишь послать из-под ресниц смущенный взгляд.

– Благодарю, милорд. – Ее сердце бешено скакало в груди, быстрее галопа любой лошади.

Филипп посмотрел на нее:

– Это доставило мне огромное удовольствие, моя дорогая. – Он слегка помедлил и наконец выпустил ее из объятий. – Как думаете, вы смогли бы перестать называть меня «милорд»? – Его тон, слегка язвительный, внезапно смягчился. – Прежде вы обращались ко мне просто по имени.

Девушка все еще не могла прийти в себя, но, по крайней мере, теперь она была свободна от его парализующих прикосновений. С трудом Антония заставила себя мыслить рационально. Нахмурившись, она посмотрела вверх и встретила пристальный взгляд устремленных на нее серых глаз.

– Это было до того, как вы унаследовали титул. – Тщательно взвешивая свои слова, Антония слегка наклонила голову. – Теперь, когда вы стали бароном, мне следует обращаться к вам соответствующим образом, Рутвен.

Его дымчато-серые глаза все не отпускали ее; целую минуту она опасалась, что барон вспылит. Тут уголки его губ дрогнули – насмешливо или протестуя, она не поняла. Рутвен устало прикрыл глаза и склонил голову, признавая свое поражение.

– Нас ждет завтрак. – Подчеркнуто любезно Филипп предложил девушке руку. – Потопимся? Не то Джеффри съест всю селедку.

Глава 3

– Ах, это вы! А я-то терялся в догадках, кто это набросился на мои розы.

От неожиданности Антония подскочила на месте. Она испуганно представила себе, как выглядит со стороны: с ножницами в руках и видом заправского браконьера остервенело уничтожает лучшие цветы в округе. Повернувшись вполоборота, девушка бросила отчасти виноватый взгляд на Филиппа, спускавшегося к ней со ступенек крыльца.

– Милорд, розы уже совсем скоро начнут плодоносить. Вам совершенно не о чем беспокоиться. – Энергично щелкнув ножницами, она обрезала еще один увядший цветок.

Все утро она провела, надписывая приглашения для деревенского праздника. Днем, когда все вокруг затихло, а Генриетта прилегла отдохнуть, девушка направилась в сад. После их прогулки на лошадях она и не думала, что Филипп спустится раньше обеда.

Лениво улыбаясь, Рутвен двинулся прямо к ней.

– Генриетта упоминала, что вы обустроиваете дом к предстоящему празднику. Следует ли мне понимать, что вы непременно приложите свою прелестную ручку ко всему, что сочтете достойным своего внимания?

Приготовившись сорвать наполовину раскрывшуюся розу, Антония застыла на месте. Филипп остановился за целый фут от нее; и все же она легко чувствовала на себе его мягкий дразнящий взгляд. Она затаила дыхание в надежде, что он этого не заметит, и смело подняла глаза.

– Это зависит от того, что именно привлечет мое внимание! – дерзко произнесла Антония, снова поворачиваясь к кусту и осторожно срезая розу. – Я, например, уже наметила разговор с главным садовником. – Девушка положила только что срезанный цветок в корзинку в ее руке и снова посмотрела на Филиппа. – Надеюсь, вы не против... – она изящно повела плечиком, – моего вмешательства?

Филипп широко улыбнулся:

– Моя дорогая Антония, если свои действия в качестве хозяйки поместья вы трактуете именно так, то на здоровье – можете вмешиваться во все, что вам угодно. На самом деле, – продолжил он, впиваясь в нее взглядом, – меня очень обнадеживает, что вам так нравится хлопотать по дому.

На мгновение они пересеклись взглядами. Вспыхнув, Антония слегка наклонила голову, повернулась и грациозно двинулась по садовой дорожке. *Обнадеживает?* Он наконец разглядел присущие ей качества идеальной жены? Или потому, что она всего лишь помогает ему и дальше жить без забот и хлопот?

– У ваших садов очень необычный дизайн, – проговорила Антония, бросив взгляд назад и обнаружив неслышно крадущегося за ней Филиппа – так хищник выслеживает свою жертву. – Я изучала современный и классический ландшафты. В этом саду присутствуют оба стиля.

Филипп с гордостью кивнул:

– Дело в том, что озеро и река находятся довольно далеко от поместья, их воды не могут быть использованы для полива растений в саду. Мистер Браун воспринял это как вызов своему таланту. – Его глаза встретились с глазами Антонии.

– В самом деле? – Проклиная про себя его близость, мгновенно лишившую ее возможности нормально дышать, Антония остановилась возле клумбы. – Мистер Браун – настоящий гений, только он умеет так расположить обычные растения, что сад превращается в настоящее произведение искусства. Аллеи просто восхитительны. – Поставив корзину на землю, она наклонилась над клумбой с нежными белыми цветами и срезала парочку для своей коллекции.

Словно прикованный к месту, Филипп стоял возле девушки и не мог отвести глаз от этой неожиданной, но прелестной картины. Антония выпрямилась, и Филипп торопливо перевел взгляд на ровный ряд хвойных деревьев в глубине сада.

– Да. – Это было все, что он смог сейчас сказать в ответ.

Антония бросила на него быстрый, слегка подозрительный взгляд; Филипп тут же очаровательно ей улыбнулся.

– Вы когда-нибудь гуляли по аллее с пионами?

– Уже несколько дней там не была.

– Давайте прогуляемся вместе, это очаровательное местечко!

Антония помедлила секунду, но согласилась. Из нижнего сада они вместе поднялись по ступенькам и повернули на узкую огороженную аллею, с обеих сторон усаженную пионами всех видов и расцветок. Растения были довольно старые, но все еще цвели, образуя сплошной узорчатый ковер из белого, красно-коричневого и зеленых оттенков. Усыпанная гравием дорожка вилась вокруг пионов; то тут, то там росли образцово подстриженные деревья. Они хоть и не цвели, но все равно радовали глаз интересным листовым орнаментом.

Филипп с Антонией молчаливо прогуливались по аллее, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться особенно красивым растением. Рутвен внимательно вглядывался в лицо девушки – словно открытая книга, на нем отображались все эмоции и мысли.

Он не мог понять, что чувствует к ней: с одной стороны, она была очень знакомой и привычной; с другой – в ней появились некоторые новые качества, и теперь она казалась абсолютно из другого, неведомого мира.

Он находил совершенно очаровательной появившуюся в ее голосе хрипотцу. Цвет глаз, зеленый с золотыми искорками, был тот же; однако изменился сам взгляд – до откровенности прямой, более глубокий, уверенный. Она совершенно по-другому себя держала: изысканная грация пришла на смену торопливости молоденькой девчонки.

Его взгляд нежно скользнул по ее волосам, отливавшим золотом на солнечном свете. Как он и помнил, они были такие же длинные и густые и венчали ее голову, словно сияющая корона. А вот что стало совершенно новым и очень волнующим открытием для него – это женственные изгибы ее тела, спрятанного под скромным муслиновым платьем.

Раньше ее голова едва достигала его плеча; теперь же, когда она поворачивалась к нему, он мог, не наклоняясь, коснуться губами ее лба.

А сейчас их разделяло всего несколько дюймов.

Он посмотрел вниз и встретился с ее широко раскрытыми испуганными глазами. Ее душистый аромат вился вокруг него, обволакивая запахом розы, жимолости и какого-то цветка, названия которого он не мог сейчас вспомнить.

Как обычно в его присутствии, у Антонии перехватило дыхание. Она не могла двигаться, не могла говорить или просто отвести взгляд от его темно-серых глаз... Могла только, не шелохнувшись, стоять перед ним – так канарейка не смеет шевелиться под взглядом голодного кота.

Филипп плавно шагнул назад.

– Время обеда. Возвращаемся? – В ожидании ответа он прикрыл глаза и вежливо указал рукой на дорожку, которая должна была привести их к дому.

Медленно выдохнув, Антония устремила взгляд в лазурное небо. Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Конечно. – В поисках темы для разговора – любой темы! – она спросила первое, что пришло в голову: – Так что же привело вас в сад?

Филипп устремил взгляд вдаль, выражение лица стало бесстрастно-вежливым, как будто раздумывал, не сказать ли ей правду, но потом отверг эту мысль. Невдалеке он увидел Джеффри, возвращающегося с конюшни.

– Я хотел спросить, есть ли у Джеффри опыт в управлении экипажем. После того, что вы мне рассказали, я подумал, что ему недостает мужского руководства. Скажите, вы бы хотели, чтобы я дал ему несколько уроков?

Опустив глаза, он заметил необычное выражение, мелькнувшее на лице Антонии.

– О да! – ответила она, посылая ему благодарный взгляд. – Если бы вы ему помогли, он был бы очень признателен. И я тоже.

– Тогда я с ним позанимаюсь.

Потупив взгляд, Антония кивнула. Бок о бок они неспешно шли по саду. Ломая голову над странным поведением Антонии, Филипп испытующе посмотрел на девушку и медленно улыбнулся. Изобразив на лице выражение глубокой заинтересованности, он произнес:

– На самом деле я должен признаться вам: у меня совершенно нет опыта в обучении юношей. Вы же, без всяких сомнений, превосходная наездница – и заменяете ему родителей. Можно я потренирую свои учительские навыки на вас?

Антония подняла голову и устремила на него ясный откровенный взгляд:

– Вы будете учить меня править каретой?

Филиппу удалось удержать на лице невинную улыбку.

– Если вы не против.

Я не думала... – Антония нахмурила брови. – Мне казалось, что леди из высшего общества непозволительно самой управлять экипажем – это абсолютно неприемлемо.

– Отчего же? При определенных обстоятельствах, если леди действительно справляются с поводами, править каретой им не возбраняется. – Задержавшись у подножия лестницы, ведущей из террасы сада в дом, Филипп повернулся лицом к Антонии. – За городом они вполне могут править двуколкой или фаэтоном.

Антония вопросительно приподняла брови:

– А в городе?

Брови Филиппа тут же взметнулись.

– Моя дорогая Антония, если вы воображаете, что я позволю управлять моими лошадьми в Гайдпарке, то заблуждаетесь.

Антония возмущенно сверкнула глазами и вздернула подбородок.

– Какой именно каретой вы пользуетесь в Лондоне, милорд?

– Высоким фаэтоном. Забудьте о нем, – отрывисто посоветовал Филипп. – Я разрешу попробовать управлять моим экипажем, но только здесь, в поместье.

С упрямо поджатыми губами Антония стала подниматься по ступенькам.

– Но когда мы будем в Лондоне...

– Кто знает? – задумчиво протянул Филипп. – Может, вы вообще окажетесь неуклюжей.

– Неуклю... – Антония яростно повернулась к Филиппу – точнее, попыталась, потому что в следующее же мгновение почувствовала, как пальцы Филиппа сомкнулись на ее локте. Без усилий он подтолкнул ее к порогу гостиной, где вышивала Генриетта.

– Давайте двигаться постепенно, моя дорогая, – понизив голос до едва различимого шепота, заключил Филипп. – Посмотрим, насколько хорошо вы владеете поводами, прежде чем переходить к хлысту.

* * *

Антония прямо-таки рвалась в бой, и на следующий день Филипп уже помогал ей взобраться на козлы своего экипажа. Полная решимости, она пообещала себе, что ничто и никто – даже сам барон! – не сможет отвлечь ее внимание на первом уроке. Усилием воли она выкинула из головы все переживания по поводу своей смехотворной чувствительности и осторожно взяла в руки вожжи.

– Нет, не так.

Филипп тоже взобрался на козлы и устроился на сиденье рядом. Ловко перехватив вожжи, он продемонстрировал, как правильно нужно их держать. Затем снова аккуратно вложил их в ее ладони, следя за верным положением и поправляя, если требовалось. Несмотря на перчатки, Антония не могла не почувствовать его нежное прикосновение и, нахмурившись, сжала челюсти.

Филипп мгновенно заметил ее реакцию. Он тут же откинулся назад, положив одну руку на спинку сиденья.

– Сегодня мы поедem спокойной рысью. Вы ведь не раздумали?

Антония надменно на него посмотрела:

– Конечно нет. Что теперь я должна делать?

– Дайте им почувствовать вашу руку.

Антония щелкнула поводьями; пара превосходно выученных лошадей серой масти неожиданно ринулась вперед.

Крик застрял в ее горле; Филипп одной рукой обхватил девушку, вторая его рука опустилась на ее руки, сжимавшие вожжи. Экипаж с грохотом катил по дороге, пока не очень быстро, но лошади все прибавляли шаг. Следующие несколько секунд прошли в полной сумятице. К тому времени, как Антония научилась контролировать темп лошадей, девушка уже была полностью вымотана.

Антония послала Филиппу гневный взгляд, но не могла – точнее, не смела – протестовать против его стальной руки, словно якорем пригвоздившей ее к плечу барона. И несмотря на страстное желание высказать Рутвену все, что она думает о его тактике обучения, Антония была очень признательна, что он не стал сам править, а позволил ей научиться самой.

Прошло еще несколько минут, когда ее сердце колотилось как бешеное, а пульс зашкаливал, прежде чем Антония почувствовала себя более уверенной. Она повернула голову к барону и встретила его невысказанно вежливый взгляд, все такой же бесстрастный.

– А теперь что делать?

– Просто следуйте по дороге, пока не почувствуете полную уверенность.

Антония вздернула нос и сосредоточила внимание на лошадях. У нее уже был небольшой опыт управления двуколкой, но править одной неповоротливой ездовой лошадкой – совершенно не то же самое, что двумя породистыми рысаками. Сначала эта задача потребовала от нее предельной концентрации; Филипп говорил только по необходимости, инструктируя ее предельно ясным и точным языком. И когда она полностью убедилась, что смогла «почувствовать» лошадей и они стали точно следовать ее командам, только тогда позволила себе слегка расслабиться.

И именно теперь ее, как молнией, поразила двусмысленность этой ситуации.

Филипп уже не так сильно ее сжимал, но его рука все еще покровительственно обнимала ее за плечи. Он сидел непозволительно близко и лениво разглядывал поля, хотя краем глаза все же следил за ее действиями. Они мчались по узкой извилистой дороге, с обеих сторон обнесенной изгородью. Мимо яркими всполохами проносились изумрудные леса, золотистые поля, фруктовые сады, ивы, грациозно склонившие ветви в реку... Ничего этого Антония не видела – ее остро волновало прикосновение крепкого мужского бедра, прижатого к ее телу.

Она глубоко вздохнула и сквозь тонкую рубашку почувствовала, как налилась ее грудь и закружилась голова. Если бы она носила корсет, то решила бы, что его слишком туго затянули. Всему этому могло быть только одно объяснение: все та же странная чувствительность, которая появилась у нее с момента первой встречи с Филиппом в холле. Она полагала, что у нее попросту разыгрались нервы. Однако если дело не в этом, то единственная причина ее состояния – давняя увлеченность Филиппом. Она убедила себя, что ее детские чувства сами собой исчезнут, как только они с Филиппом снова встретятся.

Вместо этого ее чувства переросли... Во что?

Внезапно ее пронзила дрожь – Антония тут же попыталась ее подавить. Ничего не получилось, и Антония снова запаниковала.

Филипп, по-прежнему одной рукой обнимавший девушку, почувствовал ее предательскую реакцию. Барон лениво ее изучал, не упуская своим острым проницательным взглядом ни одной мелочи. Ее же внимание было теперь полностью приковано к вожжам.

– Я все думаю о Джеффри.

– В самом деле?

– Принимая во внимание его возраст, полагаю, не стоит откладывать его отъезд в Оксфорд. Однако он совсем не видел мир, ему не помешает провести несколько недель в Лондоне. Не сомневаюсь, что это поможет ему занять более прочную позицию в светском обществе.

Не отрывая взгляда от дороги, Антония нахмурилась. Рассеянно взяв следующий поворот, она ответила:

– Что касается меня, я полностью согласна. – Она насупилась и мимолетно взглянула на Филиппа. – Но не уверена, что ему самому понравится эта идея. Джеффри просто невозможно оторвать от чтения. Ну как объяснить ему, что потраченное впустую время очень дорого обойдется ему в будущем?

Губы Филиппа скривились в насмешке.

– Не забивайте этим себе голову – предоставьте это дело мне.

Антония бросила на него быстрый взгляд, не вполне уверенная, стоит ли поддержать его затею.

Филипп притворился, что ничего не заметил.

– Что касается учебы, я уверен, что он с легкостью нагонит все, что пропустил, за несколько недель, – с его-то способностями! Где именно он будет учиться?

В Тринити.

– Я знаком с главой колледжа. – Филипп самодовольно улыбнулся. – Если хотите, я напишу ему и попрошу разрешения для Джеффри остаться в Лондоне до конца малого сезона.

Антония притормозила лошадей, повернулась к барону и изучающе на него посмотрела:

– Вы знакомы с главой колледжа?

Филипп высокомерно приподнял бровь.

– Ваша семья не единственная обладает полезными связями!

Антония прищурила глаза:

– Вы там учились?

Филипп кивнул, сохраняя невозмутимый вид, пока она колебалась.

В конце концов она пришла к выводу, что нет другого выхода, кроме как прямо задать мучивший ее вопрос. Антония глубоко вздохнула и решилась:

– Как думаете, что именно ответит глава колледжа на вашу просьбу?

Филипп непонимающе посмотрел на девушку:

– Что вы имеете в виду, моя дорогая?

Она послала ему возмущенный взгляд и повернулась к лошадям.

– Вы должны понимать, что подобную просьбу от кого-либо с такой репутацией, как у вас, могут расценить весьма неоднозначно.

Искренний глубокий смех Филиппа заставил ее стиснуть зубы.

– Bravo, дорогая! – выдавил он наконец. – Я и сам не смог бы сформулировать лучше.

Антония пристально посмотрела на него, щелкнула поводьями и пустила лошадей рысью.

Филипп посерьезнел:

– Будьте уверены, мое положение в обществе позволит главе колледжа удовлетворить практически любую просьбу с моей стороны.

Антония окинула его подозрительным взглядом; Филипп от возмущения сузил глаза.

– Смею заметить вам, моя дорогая, что еще не был замечен в попытках совратить юнцов! У нее достало приличия покраснеть при этой фразе.

– Хорошо, – кивнула Антония, не спуская глаз с ведущей лошади. – Я расскажу Джеффри о вашем предложении.

– Нет, предоставьте это мне. Он скорее согласится, если эту идею озвучу я.

Антония слишком хорошо знала своего брата, чтобы не спорить. С высоко поднятой головой она повернула лошадей по направлению к дому, полная решимости игнорировать внутреннюю дрожь, вызванную близостью Филиппа.

Изучая ее профиль, Филипп не проронил больше ни слова, пока она не остановила лошадей у крыльца особняка. Спустившись на землю, он неторопливо обошел вокруг экипажа и встал с ее стороны, встретив на себе ее настороженный, слегка подозрительный взгляд.

– Вы заслуживаете похвалы, моя дорогая. Правда, слишком сильно пока сжимаете вожжи, но это умение придет с практикой.

Прежде чем Антония смогла ответить, Филипп неожиданно забрал поводья из ее рук и передал их груму. Антония невольно отвлеклась на это движение и пропустила момент, когда барон сомкнул руки вокруг ее талии, приподнял ее, словно пушинку, и опустил на землю.

– Вам будет приятно узнать, – бойко заявил тот, держа девушку прямо перед собой и вглядываясь в ее широко раскрытые глаза, – что я полностью удовлетворен вашим умением править лошадьми.

Антония могла только беспомощно смотреть на него, не в силах вымолвить ни слова, пока он держит ее в объятиях. Тот с большой неохотой выпустил ее.

– Вы... – Антония моргнула. Это была слабая попытка не только проверить свой голос, но и вызвать в себе возмущение, которое, по идее, она должна была сейчас испытывать. Задыхаясь, она продолжила: – Вы хотите сказать, что это была проверка?

Филипп снисходительно улыбнулся:

– Моя дорогая, я прекрасно осведомлен о ваших талантах, но мне показалось вполне разумным самому в них убедиться. Теперь я полностью уверен, что из вас получится отличная ученица.

Антония снова моргнула; ей страстно захотелось найти хоть что-то в его фразе, к чему можно прицепиться и выразить наконец свое возмущение. В конце концов она выпрямилась и вызывающе смерила его взглядом:

– Означает ли это, милорд, что на завтрашнем занятии вы позволите мне увеличить скорость?

На его губах заиграла едва уловимая улыбка, от которой у нее задрожали колени.

– Я бы все-таки не советовал пока прибегать к хлысту, моя дорогая.

– Кажется, эти двое отлично провели время на прогулке! – На втором этаже Генриетта отвернулась от окна, через которое неотрывно наблюдала за пасынком и племянницей, пока те не исчезли в холле под ее комнатой.

– Вполне возможно. – Трент невозмутимо продолжала складывать белье в стопку на кровати. – Но на вашем месте я бы поостереглась делать поспешные выводы. Это всего лишь совместная прогулка в деревне.

– Пф! – Жестом Генриетта отмахнулась от этого довода. – Рутвен очень редко катает леди в своем фаэтоне – и тем более позволяет им братья за вожжи. Без сомнения, это что-то да значит!

Трент протестующе засопела.

– Это означает, – продолжала Генриетта, – что наш план работает. Нужно только приглядывать, чтобы они проводили как можно больше времени друг с другом... И чтобы их никто не отвлекал.

– Будете поощрять их оставаться наедине? – нерешительно спросила Трент.

Генриетта фыркнула:

– В конце концов, Антонии двадцать четыре года, она уже не зеленая девица. Да и Рутвен, несмотря на его репутацию, никогда еще не соблазнял невинных девушек.

Трент пожала плечами, больше не рискуя возражать своей хозяйке.

Генриетта нахмурилась и задумчиво поправила шали.

– Я абсолютно убеждена, что в этом случае не обязательно строго следовать светским правилам поведения. Рутвен не станет соблазнять девушку, находящуюся под его собственной крышей – и под моей опекой. Нам нужно направить все усилия на то, чтобы они каждый день проводили хоть немного времени вместе. Я верю в то, что они идеально друг другу подходят. Трент, если Рутвену вообще суждено понять, какое сокровище наша Антония, то моя главная задача – сделать так, чтобы она всегда была поблизости.

Прошло три дня.

Антония поднялась по лестнице и вошла в свою спальню. Все утро она занималась приготовлениями к празднику, который должен был состояться через два дня. Сейчас был полдень, и Генриетта прилегла отдохнуть. Как обычно, Антония хотела пойти в сад; но совсем недавно у нее появилась привычка проверять у зеркала, все ли в порядке с ее внешним видом. Она направилась к туалетному столику, рассеянно улыбнувшись Нелл, которая со стопкой белья для штопанья сидела у окна.

– Не напрягай глаза. Уверена, какая-нибудь из служанок помладше помогла бы с починкой одежды.

– Да уж, они помогли бы. Только вот не нравятся мне их стежки – лучше уж я сама.

Антония провела расческой по локонам, уложенным в искусном беспорядке вокруг элегантного узла на макушке. Волосы тут же засияли, точно расплавленное золото.

Нелл бросила на нее быстрый взгляд:

– Кажется, в последнее время вы довольно часто видите с его сиятельством.

Рука Антонии на мгновение задержалась у лица, она пожала плечами:

– Не так уж и часто. По утрам мы выезжаем на верховую прогулку, в компании Джеффри. – Она решила не упоминать о том, что по меньшей мере половину этого времени они с Филиппом проводили наедине; Джеффри же лазил по горе в надежде изучить все ее заповедные тропки. – Не считая этого и тех трех раз, когда Рутвен обучал меня править каретой, он заговаривает со мной, только если хочет обсудить какое-то важное дело.

Вот как?

– Конечно. – Антония постаралась подавить раздражение в голосе. Несмотря на то что Филипп часто искал ее компании, у него неизменно находилась для этого какая-нибудь важная причина. Она снова погрузила расческу в волосы. – У него много дел. В конце концов, Рутвен – крупный землевладелец. Он многие часы проводит с агентом и управляющим имением. Как и любой разумный джентльмен, он должен быть уверен в том, что в его поместье все идет гладко.

– Странно, он оказался не таким, как я думала. – Нелл развернула рубашку. – Он какой-то... ленивый.

Антония покачала головой:

– Он вовсе не ленивый – это просто видимость, модная манера. Рутвен становится весьма деятельным, когда дело касается чего-то важного.

– Ну что же, вам лучше знать, мисс, – пожала плечами Нелл.

Антония проглотила недовольное «хм» и продолжила любовно расчесывать волосы.

Пять минут спустя она уже спускалась по лестнице на террасу, когда вдруг услышала, как кто-то ее зовет. Она оглянулась и увидела Джеффри, спешившего в ее сторону от коню-

шен. Ей было достаточно бросить на него один взгляд, чтобы понять: ее брат в приподнятом настроении.

– Великолепный день, сестрица! У меня сразу же получилось пустить коней ровной рысью. Кто знает, может, в следующий раз мне позволят взять серых лошадей?

Антония мягко улыбнулась, разделяя восторг брата:

– Bravo, дорогой! Но я бы не возлагала на это больших надежд. – Рутвен разрешал ей править серыми, но Джеффри пока было дозволено брать только пару гнедых, тоже превосходно обученных лошадей, но все-таки не такого уровня, как бесподобные ирландские серые. – Ты бы лучше не просил об этом у Рутвена, он и так слишком щедр к нам.

Я и не собирался! – снисходительно ответил Джеффри. – Просто упомянул об этом, вот и все.

Он пристроился рядом с Антонией, вместе они с удовольствием прогуливались по усыпанной гравием садовой дорожке.

– Рутвен поддерживает меня намного сильнее, чем я мог ожидать. А ведь он большая шишка!

Антония расслышала восхищение в его голосе. Взглянув на него, она увидела, как тот же пыл отразился на его лице.

Не заметив ее испытующего взгляда, Джеффри продолжал:

– Полагаю, ты уже знаешь, что барон предложил мне сопровождать вас в Лондон. Я сначала не был полностью уверен, что это хорошая идея, но он объяснил, что тогда вы с Генриеттой наконец успокоитесь на мой счет. Увидите меня в обществе, и доверие ко мне укрепитя. Что-то в этом роде.

– В самом деле? – Когда Джеффри посмотрел в ее сторону, Антония поспешно изменила тон. – То есть, конечно, все верно! – Спустя мгновение она добавила: – Рутвен прекрасно все продумал.

– Он говорит, что это одна из тех черт, которые отличают мужчину от мальчика: мужчина продумывает свои действия в более широком контексте, а мальчик учитывает только свои желания.

Антония ощутила, как против ее воли где-то внутри ее зарождается волна признательности Филиппу; его искусное наставничество непременно поможет восполнить пробел в воспитании Джеффри, образовавшийся после смерти их отца. Все невысказанные сомнения, оставшиеся после разговора с Филиппом насчет поездки Джеффри в Лондон, теперь рассеялись как дым.

– Думаю, тебе нужно следовать советам Рутвена. Его опыту можно доверять.

– Я и доверяю! – Джеффри широким шагом устремился вперед, пока не спохватился, что оставил сестру позади. – Знаешь, когда ты решила сюда приехать, я боялся, что окажусь... ну, третьим лишним. Я и не думал, что Рутвен будет ко мне дружелюбно настроен, как и к тебе много лет назад. Но он все такой же, правда? Нет, он, конечно, городской щеголь и слишком важничает, но все равно относится к нам как к друзьям.

– Это правда. – Антония с трудом подавила мрачную улыбку. – Нам очень повезло, что он к нам так расположен.

– Я, наверное, возьму охотничье ружье – давно уже не упражнялся. Меня не будет до конца дня. – Сияя, Джеффри ушел.

Антония рассеянно кивнула. Она позволила себе расслабиться и теперь задумчиво бродила по садовым дорожкам. К сожалению, Джеффри был абсолютно прав. Когда они с бароном проводили время в саду или на занятиях, Филипп все время ее поддразнивал и говорил колкости. Но она никогда не замечала, чтобы он относился к ней по-другому. Он видел в ней просто закадычного друга, рядом с которым можно не соблюдать условности, и приятного собеседника.

Она не этого хотела.

Оглядываясь назад и анализируя его поведение, она поняла: единственное, что за все эти годы изменилось в их отношениях, – это ее «смехотворная чувствительность». То самое странное волнующее чувство, которое волнами накатывало на нее всякий раз, когда он находился рядом. Непонятное напряжение сковывало ее, то же самое происходило с ее разумом. Ее словно зажимало в тиски, становилось трудно дышать, когда он просто касался ее, помогая спуститься с кареты или лошади.

Но самое худшее происходило, когда его пальцы нечаянно касались тыльной стороны ее ладоней. И все-таки только она это чувствовала, не он. Это просто была ее реакция на его присутствие, реакция, которую становилось все сложнее скрывать.

Остановившись, она огляделась и поняла, что находится в итальянском садике. Ровная клумба лаванды обрамляла края длинного прямоугольного бассейна с прозрачной водой, на поверхности которой мерно покачивались белоснежные лилии. Вокруг бассейна причудливо вились усыпанные гравием аллеи, по обеим сторонам дорожек росли кипарисы и самшит, тщательно подстриженные умелой рукой садовника. Все это создавало довольно строгую, даже аскетичную обстановку – как раз под стать ее настроению. Грустная Антония неспешно обошла вокруг бассейна, погрузила пальцы в воду.

Эта «смехотворная чувствительность» была одной из наименее важных ее проблем. Филипп видел в ней просто молоденькую девушку, а уже приближался деревенский праздник, и вскоре после него они уедут в Лондон. Если Антония хочет добиться цели, ей срочно нужно что-то делать. Что-то, что позволит Филиппу изменить свое представление о ней, – разглядеть в ней женщину, истинную леди, потенциальную жену. И что бы она ни решила предпринять, ей нужно действовать быстро!

– Моя озерная красавица. Золотые рыбки не сильно искушали ваши пальчики?

Антония обернулась и увидела, как к ней приближается объект ее мечтаний. Он был одет в свободную рубашку цвета слоновой кости, поверх которой накинута охотничья куртка, вокруг загорелой шеи небрежно повязан шарф. Бриджи из оленьей кожи обтягивали длинные мускулистые ноги, а ботфорты были так тщательно начищены, что в них можно было смотреться, как в зеркало. Одна бровь насмешливо, но добродушно приподнята, легкий бриз нежно ерошил его волосы. Весь его вид говорил о том, что перед ней стоит богатый землевладелец, но при этом от него за милую веяло опасностью.

Антония спокойно вынула из воды пальцы и внимательно на них посмотрела:

– Нет, милорд, я не заметила. Видимо, рыбок слишком хорошо кормят, и мои пальцы их абсолютно не прельщают. Филипп остановился прямо перед ней; Антония чуть не подпрыгнула, когда его пальцы скользнули по ее запястью. Взяв ее за руку, он изучил ее влажную ладонь.

– Как известно, рыбки не отличаются умом.

Его тяжелые веки приподнялись; из-под ресниц блеснул его дымчато-серый взгляд.

Сердце девушки на мгновение замерло, а затем часто-часто забилось. Его интимный тон уж точно не помогал ей сдерживать нахлынувшие эмоции. Его теплые, твердые пальцы стальной хваткой сжали ее запястье. Все внутри ее натянулось, как струна; Антония не могла ни сдвинуться с места, ни даже вздохнуть. Словно загипнотизированная его взглядом, она могла только покорно ждать.

Филипп немного помедлил, затем уголки его губ слегка приподнялись. Не отрывая от нее взгляд, он достал из кармана белый платок и начал нежно вытирать ей ладонь, пальчик за пальчиком.

Ее сердце уже колотилось как бешеное. Антония попыталась заговорить, хотя сначала ей пришлось прочистить горло.

– Эм... Вы хотели со мной о чем-то поговорить?

Улыбка Филиппа стала шире. Она всегда задавала множество вопросов. Барон же принципиально не заготавливал заранее ответы; он предпочитал придумывать их на месте, что здорово помогало тренировать ум.

– Я хотел спросить: нужно ли еще что-то для праздника? Или у вас есть все необходимое?

Антонии удалось кивнуть. Сквозь батистовую ткань платка она остро чувствовала, как он продолжает поглаживать ее пальцы, отчего каждый раз ее руку словно пронзало током.

– Все под контролем, – выдавила она наконец.

– В самом деле?

Антония отчетливо расслышала шуточные нотки скептицизма в его голосе и сразу же пришла в себя. Она отняла свою руку и надменно на него посмотрела:

– Да. Ваши слуги продемонстрировали свою истинную выучку, все они усердно мне помогают. Особенно дворецкий и управляющий поместьем.

– Уж надеюсь, что помогают. – Жестом Филипп пригласил ее совершить прогулку. – Уверен, организация такого масштабного праздника сослужит вам хорошую службу в дальнейшем.

Антония в знак признательности наклонила голову. Медленно они прогуливались вокруг узкого бассейна.

Филипп взглянул на ее лицо.

– Что привело вас в этот садик? Вы кажетесь... задумчивой.

Антония сделала глубокий вдох.

– Я размышляла, – проговорила она, отбросив назад свои золотистые локоны, – о том, какой окажется поездка в Лондон.

– Лондон?

– Хм... – Устремив взор вдаль, она попыталась объяснить. – Как вы уже в курсе, меня вряд ли можно отнести к тем особам, которые вращаются в высшем свете. К примеру, я слышала, что в обществе сейчас на пике популярности поэзия. И что это совершенно обычное дело, когда светские джентльмены декламируют стихотворение или, по меньшей мере, вставляют в разговор поэтические обороты, чтобы сделать комплимент дамам. – Она искоса на него взглянула. – Это так?

Мысли Филиппа понеслись с космической скоростью.

– В некоторых кругах. – Он посмотрел на нее; лицо Антонии светилось детским любопытством. – На самом деле иногда даже предпочтительно, чтобы дама отвечала в том же духе.

– Правда? – Удивление Антонии было неподдельным.

– Конечно. – Как ни в чем не бывало Филипп мягко взял ее руку и положил на свой локоть. – И раз уж вы скоро присоединитесь к этой лощенной толпе, нам, возможно, стоит потренироваться над ответами?

– О... – Его теплая ладонь, накрывшая ее маленькую ручку, мешала Антонии сосредоточиться и придумать более достойный ответ. Но все-таки его предложение вполне отвечало ее планам.

– Вот. – Филипп остановился возле симпатичной чугунной лавочки, расположенной так, чтобы с нее можно было любоваться чудесным бассейном. – Давайте присядем и попробуем.

Антония опустила на лавочку. Филипп сел к ней вполборота, одну руку положил на спинку сиденья.

– Откуда бы начать... – Его взгляд вопросительно блуждал по ее лицу. – Пожалуй, принимая во внимание отсутствие у вас опыта, лучше придерживаться простых фраз.

Антония настороженно повернулась к нему:

– Это было бы мудро.

Только годы выдержки позволили Филиппу не улыбнуться при ее словах.

– Я начну первым. К примеру: ваши волосы сверкают, словно золото Цезаря, за которое множество его солдат отдали свою жизнь.

Широко раскрыв глаза, Антония в восхищении уставилась на Филиппа.

– Ваша очередь, – напомнил Филипп.

– Э-э-э... – Девушка лихорадочно придумывала фразу. Тут ее взгляд упал на его волосы. Она выдохнула: – Ваши волосы сияют, как отполированные солнцем бока пары гнедых.

– Браво! – улыбнулся Филипп. – Но все-таки это было визуальное описание. Думаю, я выиграл этот раунд.

– Это соревнование? – лукаво спросила Антония.

Филипп довольно сверкнул глазами:

– Допустим. Моя очередь: ваша бровь чиста, словно белоснежная грудь ласточки, а изгиб гладкий, как ее полет в вечернем небе.

Антония смело приняла вызов. Она прищурила глаза, изучая его широкие брови, и выдала:

– В вашей брови столько величественности, что сам царь зверей должен вам завидовать.

– Ваши глаза точно изумруды в золотой оправе, прелестные драгоценности несказанной красоты.

– А ваши – словно серые облака и сталь, туман и мгла, морской шторм и молния.

Изумленно приподняв брови, Филипп наклонил голову.

– Я и забыл, как быстро вы учитесь. Но вперед! Посмотрим... – Он медленно поднял руку и нежно провел пальцем по ее щеке. – Ваши щеки словно мягкий шелк цвета слоновой кости, на котором стыдливо расцветает роза.

Его голос звучал хрипло, мягко, по-мужски глубоко. Одно долгое мгновение Антония, едва дыша, сидела, словно пригвожденная к месту. Одна-единственная мысль пронеслась у нее в голове: ее стратегия работает! Эффект от его прикосновений постепенно рассеялся, разум прояснился. Она сглотнула, затем прищурилась и смело встретилась с ним взглядом:

– Я непременно должна вас победить! Поэтому... вот: твердость линий подбородка и благородство черт лица – все ваши движения преисполнены ленивой грации!

Филипп от души расхохотался:

– Вот спасибо! И как же мне теперь отыграться?

Чопорный взгляд Антонии стал самодовольным.

Филипп внимательно наблюдал за изменениями на ее лице.

– Ну что ж. – Опустив глаза, он увидел ее крохотные ладошки, сложенные на коленях. – Ах да! – Он снова мягко коснулся ее запястья и решительно накрыл ее руку своей ладонью. Пальцами он чувствовал, как участился ее пульс.

Она не сопротивлялась, когда он поднял ее руку, повернув так, чтобы удобнее было изучать ее тонкие пальцы. Он мимолетно встретился с ней глазами. И, все еще держа ее в плену своих прикосновений, позволил пальцам пробежаться по ее чувствительной ладошке.

Антония с шумом втянула в себя воздух, этот звук отчетливо резанул ее по ушам. Они схлестнулись взглядами; необычная улыбка – она никогда не видела, чтобы он *так* улыбался, – коснулась его губ. Филипп переместил ладонь – теперь кончики его пальцев поддерживали кончики ее пальцев.

– Такие изящные руки... нежная шелковистая кожа томится в ожидании ласк возлюбленного.

Его голос звучал низко, глубоко, задевая чувствительные струны ее естества. Антония лишь завороченно наблюдала, как он касается ее, медленно приподнимает ее руку и начинает целовать пальцы, один за другим.

Пронзившая дрожь потрясла ее до глубины души.

– О... – Безысходное отчаяние внезапно заставило ее мозг заработать. – Я только что вспомнила. – Антония уже практически шептала. Откашлявшись и прочистив горло, она чуть увереннее продолжала: – Я должна была отдать тете записку... и как я могла забыть... мне

нужно уйти прямо сейчас. – Отступление, пусть и такое беспорядочное, показалось ей единственным подходящим выходом из этой ситуации. Однако, несмотря на произнесенные слова, она никак не могла себя заставить убрать свою руку.

Глаза Филиппа без труда удерживали на себе ее взгляд.

– Записку? – Одно долгое мгновение он внимательно вглядывался в ее глаза, потом черты его лица разгладились. – Насчет праздника?

Антония беспомощно кивнула.

Филипп скривился. Спустя мгновение его рот превратился в жесткую складку.

– И вам нужно доставить ее немедленно?

– Да! – Антония резко встала и почувствовала огромную признательность Филиппу, когда он тоже поднялся. Тот все не отпускал ее руку. Охваченная беспрецедентной паникой, девушка выжидала.

– Хорошо, я провожу вас.

С этими словами Филипп положил ее руку себе на локоть и решительно повернулся по направлению к дому. Все еще дрожащей Антонии волей-неволей пришлось уступить. К ее облегчению, он молча шел рядом, не делая никаких попыток возобновить их игру у бассейна.

Он остановился только у ступенек террасы и взял ее руку, безвольно лежавшую на его руке. Пристально взглянул ей в глаза и только тогда выпустил.

– Увидимся за ужином. – Ласково улыбувшись, он кивнул ей и удалился.

Антония наблюдала, как он уходит. Постепенно все ее естество заполнила безудержная триумфальная радость, вытесняя собой оставшиеся следы паники.

Она достигла цели. Теперь Филипп видел в ней не друга семьи, а *женщину*.

– Что ж, спокойной ночи. – Кивнув, Джеффри улыбнулся и оставил бильярдную комнату в полное распоряжение Филиппа и Хьюго. Всего несколько минут назад он неожиданно отыгрался за свое поражение в предыдущей партии.

– Этот юноша просто схватывает все на лету, – пробормотал в свое оправдание Хьюго.

– Такие уж они, эти Мэннеринги, – произнес в ответ Филипп, натирая мелом кий.

Все остальные уже разошлись по спальням. Антония тоже давно удалилась к себе, заверяя, что завтра ей нужно встать пораньше, чтобы вплотную заняться подготовкой к празднику. С самодовольной улыбкой Филипп подождал, пока Хьюго установит шары, и разбил их.

– Вообще-то, – проговорил Хьюго, наблюдая за тем, как Филипп хищно движется вокруг стола, выбирая удобную позицию для следующего удара, – я весь день пытался тебя найти. Нужно поговорить.

– Да? – Филипп бросил на него быстрый взгляд. – О чем же?

Хьюго подождал, пока тот загонит шар в лузу, и ответил:

– Я решил вернуться завтра в город.

Филипп выпрямился, вопросительно глядя на друга.

Хьюго скорчил гримасу:

– Все из-за этого праздника... Тебе-то хорошо, у тебя есть Антония, за ее спиной можно спрятаться. А меня кто прикроет? – Хьюго содрогнулся. – Все эти юные, но такие важные леди – твоя мачеха битый час перечисляла их лучшие качества. Она достигла успеха в твоём случае и чуть позже непременно возьмется за меня, уверяю. Я не могу этого допустить.

Филипп застыл на месте.

– Достигла успеха?

– Ну, – протянул Хьюго, – это же с самого начала было понятно. Ее светлость постоянно цеплялась к тебе, это ей совершенно несвойственно. Я, конечно, не самый сообразительный, но в итоге и до меня дошло. Все сошлось один к одному: и что здесь гостит старый друг семьи

мисс Мэннеринг, и что тебе уже тридцать четыре, и что ты последний, кому нужно жениться в ближайшее время, и так далее.

Медленно Филипп наклонился над столом и начал прицеливаться.

– Действительно.

– Видишь ли, – продолжал Хьюго, – если бы я не *понимал* причины твоего поведения – а мисс Мэннеринг очень милая девочка, настоящая красавица, – то не предположил бы одно: вряд ли тебе понравится, что *за тобой охотятся в твоём собственном доме*.

Отложив кий в сторону, Филипп словно снова почувствовал дразнящий запах лаванды, услышал хруст гравия под крошечными туфельками, увидел невинное выражение лица Антони, когда она прогуливалась с ним под руку в саду.

В этот раз Филипп промахнулся. С невозмутимым видом он выпрямился и отошел.

Хьюго внимательно изучил положение шаров на столе.

– Странно, что у тебя не вышел удар.

– Просто меня отвлекли. – Взгляд Филиппа был очень задумчив.

Глава 4

На следующее утро Антония проснулась чуть свет. К девяти часам она уже успела поговорить с поваром и с домоправительницей миссис Хоббс, а также обсудила с мистером Поттсом, главным садовником, какие именно цветы ей понадобятся на следующий день. Она уже заканчивала разговор с Фентоном насчет столов, которые нужно было вынести на террасу, когда в холле появился Филипп.

Он увидел Антонию и тотчас же изменил свой маршрут, каблуки его сапог звонко стучали по черно-белой плитке. Он остановился прямо напротив нее:

– Вы не пришли сегодня на конюшню.

Она пристально посмотрела в его глаза, выражение которых не предвещало ничего хорошего.

– Я упоминала, что у меня сегодня масса дел.

Выдвинув вперед челюсть, Филипп метнул желчный взгляд вверх суесящихся фигур в холле.

– Ах да. – Он зло ударил хлыстом по голенищу своих белых сапог. – Праздник.

– Вот именно. Мы все будем сегодня очень заняты, весь день.

Его испепеляющий взгляд тут же вернулся к Антонии.

– *Весь день?*

Антония воинственно вздернула подбородок.

– Да, весь день! – повторила она. – И весь завтрашний день, пока не начнется праздник.

Хотя тогда я буду еще больше занята.

Филипп неслышно выругался.

Выражение лица Антонии стало жестким. Она равнодушно махнула рукой по направлению к столовой.

– Завтрак дожидается вас на столе. Если поторопитесь.

В ответ Филипп послал ей сердитый взгляд. Не говоря ни слова, он повернулся на каблуках и направился в столовую.

Антония хмуро проводила его взглядом – и только сейчас поняла, что именно показалось ей необычным. Он почему-то шел очень широкими шагами и чересчур быстро.

– Прошу прощения, мисс, следует ли мне вынести это кресло на террасу?

– О... – Антония повернулась и увидела, что к ней обращается лакей, пытающийся обхватить огромное кресло с подголовником. – Да, конечно. Пожилым дамам понадобятся все кресла, которые мы только сможем найти. Им непременно захочется подремать на солнышке.

Пока трудилась все утро, Антония не переставая думала о своей цели. Праздник обязательно должен иметь ошеломительный успех. Она непременно приложит все силы, чтобы ее организаторские таланты оценили по достоинству. Это была превосходная возможность доказать Филиппу, что она обладает всеми качествами идеальной жены, пусть и на провинциальном уровне.

Подозвав к себе двух служанок, она прошла с ними в итальянский садик и указала на лаванду:

– Срежьте ее, только обязательно вместе со стеблями. Нужно освежить гостинные комнаты.

Антония внимательно наблюдала за работой служанок и только спустя какое-то время осознала, что ее взгляд постоянно возвращается к той самой лавочке на другом конце бассейна. В ее мыслях отчетливо всплыл образ Филиппа, загадочное выражение его глаз, когда он целовал ей пальцы. Губы тронула легкая улыбка. Она, конечно, запаниковала в тот момент,

но прогресс в их отношениях налицо. Тут она вспомнила о его странном поведении в холле и нахмурилась.

– Мисс, вот так правильно?

Резко вернувшись в реальность, Антония тщательно осмотрела цветы.

– Отлично!

Лицо молоденькой служанки просияло.

– Проследи, чтобы каждая служанка собрала по две такие охапки, и отнесите их миссис Хоббс сразу, как только закончите.

Безжалостно изгнав образ Филиппа из своих мыслей, Антония гордо прошествовала к дому – она, как никогда, была полна решимости сосредоточиться на текущей работе.

Рутвен хотел найти убежище в библиотеке или в бильярдной – но их она тоже захватила. В очень опасном настроении Филипп бросил бесполезные поиски тихого уголка и прошел сквозь толпу слуг, занятых выполнением распоряжений Антонии.

Он боролся с искушением высказать Антонии все, что думает по поводу ее самоуверенности. Как и прежде, она брала на себя всю ответственность, постоянно хлопотала, доводила все дела до конца. Его лужайки перед домом выглядели так, словно по ним прошелся смерч, но даже он понимал: несмотря на всю хаотичность, все действия слуг тщательно контролировались.

Филипп устался на то, как двое его арендаторов с трудом устанавливают ларек, и подивился про себя. Несомненно, у Антонии настоящий талант заставлять людей выполнять все, что она скажет, причем чаще всего она вознаграждает их за работу просто улыбкой или парочкой одобрительных слов. Он и сейчас мог видеть ее на дальнем конце лужайки, где плещутся темные воды озера, ударяясь о заросший камышом берег. Девушка неустанно наблюдала за тем, как младшие садовники чинят небольшие лодки.

– Осторожно, Джо! Полегче, парень. – Дай-ка я посмотрю, ровно ли мы установили эту штуку.

Снова переведя взгляд на фермеров, Филипп увидел, как младший из них балансирует на перекладине ларька, одновременно удерживая руками стену в вертикальном положении. Человек постарше, с молотком и деревянной распоркой, отошел подальше, пытаясь определить на глаз нужный угол. Тем временем у Джо силы явно были на исходе.

Филипп заколебался, но все-таки подошел к ним и положил руку на плечо старшего мужчины:

– Лучше помогите Джо, Макгилл, я буду направлять вас.

Макгилл с признательностью коснулся своей шляпы:

– Милорд, если поможете, мы справимся гораздо быстрее.

Джо ограничился тем, что послал барону благодарный взгляд.

Перед тем как начать, Филипп снял пальто и начал вбивать гвозди. За этим занятием его и застала Антония, которая обходила лужайки и проверяла, все ли идет как надо.

Она не смогла скрыть свое удивление при виде этого зрелища.

Филипп посмотрел на нее и без труда прочел изумление, написанное на ее лице. Это точно не улучшило его настроения, равно как и его необъяснимое желание подозвать девушку к себе – или самому подойти к ней. Однако его взгляд – он это чувствовал – был мрачен. Он страстно желал заговорить с ней – и едва удержал себя от этого. Филипп еще не решил, что именно чувствует к Антонии, и не знал, как реагировать на то, с какой легкостью она проворачивала свои махинации. Он отвернулся и хмуро вбил еще один гвоздь. Филипп еще никогда не чувствовал себя так неуверенно; он мерно вгонял металл в податливое дерево, что помогало ему чуть отвлечься от безрадостных размышлений.

Освободившись от его гипнотического взгляда, Антония не смогла устоять и обвела глазами его широкие плечи, спину, крепкие мускулы, бугрившиеся под сорочкой, красивой формы руки с длинными пальцами. Когда она нашла в себе силы отойти, во рту уже пересохло, а сердцебиение стало неровным. Забыв на секунду о том, что творится вокруг, она перебирала в уме их последние встречи. Филипп всегда был само спокойствие и невозмутимость, пусть и слишком вялый, чтобы поддаваться эмоциям. Его теперешнее раздражение слишком выделялось на этом фоне и оставалось для нее загадкой.

Она снова посмотрела на него – тот приостановил работу и облокотился на стену ларька. Рутвен внимательно наблюдал за ней, погруженный в раздумья.

– Мисс, салфетки лучше сейчас разложить или завтра?

– Ох... – Резко развернувшись, Антония непонимающе моргнула при виде молоденькой служанки. – Завтра. А пока оставь их в гостинной.

Служанка наскоро поклонилась и убежала. Антония сделала глубокий вдох и с неизменной грацией двинулась в другую сторону.

Филипп не отрываясь смотрел, как она плавно уходит, мягко покачивая бедрами в такт движению. Когда она скрылась из вида, он оттолкнулся от стены и взял в руку гвозди.

Через час был подан обед. Огромные тарелки с сэндвичами и кружки с элем поставили на помост – это Антония предложила отставить в сторону все церемонии, пока не была закончена подготовка к празднику. Филипп налегал на сэндвич с ветчиной и в толпе заметил светлую голову Джеффри. Юноша весело помахал рукой и направился к нему.

– Антония наказала мне проследить за постановкой спектакля «Панч и Джуди». Мне помогает Фентон. Один из фермеров будет играть роль Панча, но роль Джуди, похоже, мне придется исполнять самому. Служанки постоянно смеются над текстом!

Филипп выдавил из себя короткий смешок. Глаза Джеффри загорелись.

– Мы уже установили балаган, но постановка самой пьесы займет какое-то время.

Филипп ободряюще похлопал его по плечу.

– Есть еще одна задача для тебя: я буду очень признателен, если ты проследишь за тем, чтобы никто из детей не упал в озеро.

Джеффри дружелюбно улыбнулся:

– Конечно. Однажды я напомню вам о долге, когда мы прибудем в Лондон.

– Только если ты не попросишь в награду моих лучших серых лошадей.

Джеффри рассмеялся и покачал головой. Все еще улыбаясь, тот ушел.

Потягивая эль, Филипп увидел дворецкого и управляющего – оба помогали как могли. Вообще-то эти двое всегда считали себя выше работы подобного рода. Интересно, это присутствие Филиппа так на них подействовало или повелительные интонации в голосе Антонии?

Его взгляд отсутствующе блуждал по толпе, как вдруг он увидел одну служанку – кажется, ее звали Эмма. Девушка ловко задела локоть Джо. Это был подающий надежды парень, которому едва исполнилось двадцать лет. Девушка непрестанно извинялась и зазывно улыбалась. Филипп почувствовал, как внутри его просыпается цинизм. Джо же искренне улыбался служанке. Эта превосходно разыгранная сценка закончилась вполне предсказуемо. Филипп мрачно размышлял, стоит ли по-мужски поговорить с Джо. Предупредить, что, хотя мужчина по природе своей охотник, бывают случаи, когда он сам становится жертвой.

Не исключено, что и сам Филипп стал такой жертвой.

Он отчетливо это понимал – теперь, когда Хьюго сорвал черную повязку с его глаз. Поведение Генриетты должно было сразу его насторожить, но, как он уже признал, его внимание отвлекли. И не обычными кокетливыми уловками – это на него точно не подействовало бы. Но Антония и не пыталась привлечь его обычными способами. Она использовала более изощренную хитрость – хитрость, которая скорее бы сработала с таким опытным и упрямым повесой.

Она использовала их прежнюю дружбу.

Нахмурившись, Филипп отставил в сторону опустевшую кружку и поднял молоток. Он все еще не был уверен, что именно чувствует – что должен чувствовать. Он думал, Антония сильно отличается от других женщин. Оказалось, она просто придерживалась другой тактики.

С мрачным выражением лица он отправился к Макгиллу и Джо, чтобы установить остальные ларьки для прохладительных напитков. Они как раз заканчивали ставить опоры для последнего ларька, когда Филипп что-то услышал и повернул голову на звук. В трех футах от него стояла Антония.

Она поймала на себе его взгляд и с легкой улыбкой указала на поднос, который она чуть раньше поставила на прилавок предыдущего ларька:

– Эль. Я подумала, он вам больше по вкусу, чем чай.

Филипп оглянулся и увидел, как женщины разносят подносы с кружками работающим мужчинам. Многие из служанок уже справились со своей задачей – всем без исключения очень хотелось пить.

Снова взглянув на Антонию, Филипп встретил ее спокойный вопросительный взгляд, затем развернулся и одним сильным ударом вогнал в дерево последний гвоздь. Отложил в сторону молоток и пригласил Джо и Макгилла выпить эля. Антония чуть отошла, чтобы не мешать мужчинам, и скрестила руки на груди. Филипп взял с подноса кружку, сделал два шага по направлению к девушке – теперь она стояла зажата между Филиппом и прилавком.

Он сделал очень большой глоток эля, обводя внимательным взглядом лужайки.

– Много осталось работы?

Антония, завороченно наблюдавшая, как Филипп пьет, растерянно моргнула и посмотрела по сторонам:

– Совсем нет. Мы выполнили большую ее часть. – Она мысленно пробежалась по списку дел. – Осталось выкатить бочки. На ночь мы накроем их брезентом.

Филипп кивнул, стараясь не смотреть на нее:

– Отлично. Значит, у нас будет время для разговора перед обедом.

– Разговора? – Антония уставилась на барона. – О чем?

Филипп повернул голову и наконец встретился с ней взглядом.

– Я расскажу, когда встретимся.

Антония попыталась прочесть ответ в его глазах, но он отвел взгляд.

– Если это насчет праздника...

– Нет, – произнес он тоном, не допускающим возражений и дальнейших вопросов.

Антония нахмурилась, но послушно наклонила голову:

– Что ж, в таком случае...

Ее слова были прерваны внезапными криками и глухим нарастающим грохотом. Антония повернулась на звук – как и все остальные – и увидела, как огромная бочка эля стремительно катится по лужайке.

– Остановите ее! – закричал кто-то.

– Святые небеса! – Антония подобрала юбки и поспешила вперед.

Мгновение Филипп оторопело смотрел ей вслед. Затем, пространно выругавшись, отбросил кружку и побежал за ней.

Антония, абсолютно глухая к усилившимся крикам окружающих, замедлила бег, только когда приблизилась к бочке. Филипп догнал ее, одной рукой обхватил за талию и мгновенно выдернул из-под бочки, катившейся прямоком на нее.

– Что за...

Ее полузадушенный крик был для него сладчайшей музыкой.

– Филипп! – крикнула Антония, прерывисто дыша. – Отпусти меня! Бочка...

– ...весит в три раза больше, чем вы сами, и сровняла бы вас с землей! – Филипп все еще слышал отдаленный грохот бочки.

Эти суровые слова прозвучали прямо над правым ухом Антонии. В ужасе она покачала ногами, но не смогла даже коснуться земли, не то что спуститься. Он с легкостью держал ее на весу, прижимая спиной к своей груди. Филипп и пальцем не шевельнул, чтобы выполнить ее приказ. Она всерьез стала раздумывать о том, чтобы попытаться побороться за свою свободу, – и вспыхнула. Она вдруг почувствовала, как ее охватил странный жар, от макушки до пяток пробежалась судорожная сладкая волна.

Отовсюду сбежались люди, чтобы остановить бочку. Антония безучастно наблюдала, как они развернули ее и покатали к павильонам, где на следующий день будут подавать эль.

И только тогда Филипп наконец опустил ее на землю.

Антония сразу же сделала глубокий вдох. И еще один. После этого развернулась.

Однако Филипп успел первый заговорить:

– У вас ни за что не получилось бы ее остановить.

Антония вздернула нос.

Я и не думала об этом! Я хотела всего лишь ее притормозить, пока не подросли бы мужчины.

Филипп прищурил глаза и сквозь зубы процедил:

– Она бы впечатала вас в землю!

Антония посмотрела на его неподвижный подбородок и медленно подняла взгляд к его глазам, сжав челюсти.

– В таком случае, – подчеркнуто вежливо произнесла она, цедя слова сквозь зубы, – мне, видимо, следует вас поблагодарить.

– Естественно. Можете поблагодарить меня, присоединившись к моей прогулке верхом.

– Прогулке верхом?

Филипп взял ее за руку. Подняв голову, он осмотрел лужайки:

– Здесь ведь все готово, правда?

Антония судорожно изыскивала повод отказаться, но ничего не придумала.

– Насчет спектакля...

– У Джеффри все под контролем. Не стоит подвергать сомнению его авторитет.

– Я бы ни за что... – горячо начала она.

– Вот и хорошо. Пойдем.

С этими словами они проследовали к ларьку, где Филипп оставил пальто. Он вел девушку, нимало не заботясь о том, что все их видят. Сжав зубы, Рутвен поднял пальто, но не остановился. Он все тянул Антонию за собой, положив ее руку на свой локоть.

Измученная Антония моргнула, стараясь освободиться от паутины, в которую неосторожно угодила. Она гневно прищурила глаза:

– Думаю, вы кое о чем забыли, милорд.

Филипп хмуро посмотрел на нее сверху:

– О чем же?

Антония сладко улыбнулась:

Я не могу ехать верхом в этом платье.

Она закрыла свои ушки ладонями, когда он яростно выругался. Филипп резко изменил направление; через считанные секунды они уже были в холле.

Филипп остановился на ступеньке лестницы.

– У вас пять минут, – сказал он, отпуская девушку. – Я подожду здесь.

Антония послала ему недоверчивый яростный взгляд. И увидела, как его глаза медленно сузились.

Фыркнув, она надменно вскинула голову и грациозно поднялась по лестнице. У нее заняло больше пяти минут, чтобы переодеться в амазонку, но Филипп все же ожидал ее внизу.

Он нетерпеливо расхаживал взад-вперед по ступеньке, когда она показалась на лестнице. Рутвен посмотрел вверх, удовлетворенно кивнул и сделал ей знак продолжать спускаться.

Дерзко подняв подбородок, Антония плавно прошествовала к нему.

Грумы уже подготовили лошадей – Филипп озабочился тем, чтобы послать распоряжение заранее. Без церемоний он обхватил ее за талию, поднял и усадил в седло. Затем одним стремительным движением взлетел на спину своего гнедого коня. Они развернулись, Антония пустила свою лошадь рядом. Как обычно, они летели вперед быстрее ветра, неслись по полям и лугам.

Филипп тем временем уже придумал, где именно начать разговор. Там они будут совершенно одни. Вряд ли это соответствует общепринятым правилам, но Филиппу было наплевать. Он вел девушку в глубь леса к прохладной поляне, где река впадает в небольшое озеро.

Филипп спрыгнул с седла и привязал Пегаса к низкой ветке. Где-то невдалеке пронзительно крикнула сойка. Солнечный свет золотистыми пятнами подсвечивал траву, озорно искрился на поверхности озера. Окруженная вековыми дубами, водная гладь была неподвижна и молчалива – то, что нужно.

Антония нахмурилась, когда Филипп опустил ее на землю. Дыхание снова сбилось, она судорожно пыталась успокоить участившееся биение сердца. Крепко взяв ее за руку, Рутвен направился к озеру. Он шагал слишком быстро, чтобы она успела насладиться прогулкой.

– В чем дело? – спросила она, пытаясь за ним поспеть. – Что-то не так?

Филипп внезапно остановился. Сжав челюсти, он повернулся к ней.

– Не уверен.

Она пристально всматривалась в его хмурое лицо, дымчато-серые глаза. Сегодня он поколебал ее уверенность в том, что план действует. Все эти резкие движения, отрывистый тон... а теперь он еще и говорит загадками. Она отняла руку. Решив твердо стоять на своем, вскинула подбородок.

– Что-то вас беспокоит, это совершенно ясно.

– Что-то точно беспокоит, – ответил он, уперев руки в бока. Он прямо-таки сверлил ее взглядом.

Она молчаливо стояла и с немим вопросом в глазах ждала, пока он расскажет. Филипп пробормотал проклятие. Напряженный, словно натянутая тетива лука, он резко повернулся к ней всем телом. Не отрывая от девушки глаз, снова взял ее за руку и нежно поцеловал запястье над перчаткой.

И тут же почувствовал ее реакцию, быструю дрожь, которую она безуспешно попыталась скрыть. Ее глаза широко раскрылись, но не от удивления. Грудь под кружевной амазонкой учащенно вздымалась и опускалась.

Филипп задумчиво прищурил глаза:

– Скажите мне, Антония. Я вас соблазняю – или вы меня?

На мгновение Антонии показалось, что земля уходит из-под ног.

– Соблазняю?.. – Она изумленно смотрела на него.

– Соблазняете. – Филипп безжалостно удерживал на себе ее взгляд. – Я чувствую к вам старое как мир влечение, то самое, которое иногда вспыхивает между мужчиной и женщиной.

Антония подавила внезапный импульс повторить за ним это магическое слово «влечение». Она чувствовала, как оно неразрывной нитью связывает их тела. Застыв на месте, снова беспомощно моргнула. Что он предлагает?

Я...

– Вы не знаете, о чем я говорю? – предположил Филипп, касаясь рукой ее подбородка.

Ее поразили явные нотки цинизма в его голосе. Глаза Антонии вызывающе сверкнули.

– Я даже не знаю, *как* соблазнять кого-то!

– Не знаете? – Филипп притворился, будто раздумывает на ее словами, хотя напряжение, в котором он пребывал весь день, стало еще сильнее. – Вам и не нужно точно знать – инстинкт подсказывает.

Он впился в нее взглядом – в ее зеленые с золотом глаза, капризно изогнутые манящие губы – и почувствовал, как его охватывает неконтролируемое волнение. Ему так хотелось поддаться порыву, эмоциям, а ведь Филипп никогда себе этого не позволял. Он всегда гордился тем, что никто и никогда не мог управлять им, заставить делать что-либо против своей воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.